

ЖУКЛОЛОВ

Дарина Стрельченко

Победитель Всероссийской литературной премии
«Новая фантастика»

Дарина Стрельченко

Куклолов

«Автор»

2023

Стрельченко Д. А.

Куклолов / Д. А. Стрельченко — «Автор», 2023

Восемнадцатилетний Олег получает в наследство от отца четырёх театральных кукол — персонажей пьесы, в которой есть ещё три героя. Ненавидящий всё, связанное с кукольным театром, постепенно Олег проникается желанием собрать коллекцию, даже не замечая, что далеко не всегда действует по своей воле.

© Стрельченко Д. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть I. Кукольный чемодан	5
Глава 1. Мама	5
Глава 2. Отец	9
Глава 3. Куклы	13
Глава 4. Наталья	17
Глава 5. Катя	23
Глава 6. Институт	27
Глава 7. Банк	32
Глава 8. Общага	35
Глава 9. Школа	40
Глава 10. Английский театр	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарина Стрельченко

Куклолов

Моему мужу

Часть I. Кукольный чемодан

Глава 1. Мама

– Ты – что? Ты что сделал?

Голос опасно зазвенел. Олег вытянулся в струнку, напряжённо всматриваясь то в отца, то в тёмную, обтянутую серым шёлком коробку. Медленно перевёл взгляд на россыпь рентгеновских снимков и рецептов. Снова посмотрел на отца. Ещё раз, не веря, не в силах поверить, что это конец, повторил:

– Ты – что?..

– Я купил куклу, – пряча глаза, ответил отец.

Повисла полная звуков тишина – объёмная, но ненастоящая, словно играешь в наушниках, и персонаж остановился среди локации в ожидании врага, в предчувствии дурного.

Олег не заметил, как руки сами потянулись к коробке. Зато отец – заметил. Шлёпнул его по запястью, дёрнул коробку на себя и прижал к груди.

– Не лапай! Ты не представляешь, какие это деньги!

– Очень даже представляю, – с расстановкой ответил Олег. – Очень даже! Сколько? Сколько у тебя осталось?

Бывало всякое; бывало, отец поднимал на него руку; но таким тоном Олег не разговаривал с ним никогда. Вот только сейчас было плевать. Сейчас он готов был говорить грубей, грязней, хуже – как угодно! – если бы это могло помочь.

– Ничего у меня не осталось! – рявкнул отец. – Ещё и в долг пришлось взять. Ты такую цену никогда не поймёшь!

– Это уж точно, – с отвращением глядя на коробку в здоровых волосатых руках, пробормотал Олег. Слова в голове отдавались тупым, дробным грохотом. Ничего не осталось. Ещё и в долги влез.

И тут дошло.

Он хотел крикнуть, но голос надломился, вышел только растерянный, панический возглас:

– А мама?

– Маме уже не поможешь, – буркнул отец и отвернулся, баюкая коробку. – Даже если бы мы выкупили «Неопассол»,¹ врачи же сказали – тридцать процентов.

– Но ведь теперь даже этих тридцати процентов не будет, – сглотнув, выдавил Олег. – Ты что, не понимаешь? Совсем не врубаешься? Она же умрёт!

– Она всё равно умрёт, – произнёс отец как-то безразлично, но на лбу, под редкой налипшей чёлкой, вспухла жилка. – А кукла... Олег, такой шанс бывает раз в жизни. Ты же видишь, как я искал их. Ты сам знаешь, ты видишь, что я всю жизнь на это положил! И тут такая оказия... Её можно было купить. И деньги были. Это знак, Олежек. Я должен был её купить! Мама простит меня.

¹ «Неопассол» – выдуманный препарат.

– Мама? Простит?

От ощущения нереальности потряхивало; от растерянности, от злобы на отца слова соскакивали с языка прежде, чем успевали оформиться в предложения. Выходили нечленораздельные, звериные звуки; но молчать было нестерпимо. Олег дёрнулся вперёд и бросился на отца с кулаками:

– Некому будет прощать! Ты понимаешь? Некому! Она умрёт, потому что ты все деньги просадил на свою дурацкую куклу. На тупую неживую куклу! Иди сейчас же! Продай её! Иди и продавай, придурок!

Он чувствовал, как входит в раж, как по крови разлетается ярость. Гнев ударил в голову. Олег замахнулся, целя отцу в лицо... Тот даже не пытался заслониться, только загородил собой коробку, зажмурился и шептал, шептал... Олег не хотел разбирать этот шёпот; чувствовал только, как горит ладонь, как гремит в ушах кровь.

– Мама простит, – бормотал отец. – И ты когда-нибудь простишь, Олежек, поймёшь меня...

– Иди и продай куклу! – пытаюсь отобрать у отца коробку, орал Олег. – Мама! Да как ты не врубаешься... Отдай мне, я сам продам. Изверг! Урод!

Отец ёжился, но коробку не отдавал. Олег скребанул по ней ногтями – серый шёлк пошёл затяжками, это было похоже на расходящиеся дуги сигнала сети. В голову некстати пришло, что, когда мама умрёт, её телефон, наверное, тоже будет показывать такие дуги – пустые, без связи.

В горле набух кислый ком. Щёки защипало. Олег опустил на корточки перед отцом и, смахивая слёзы, прошептал:

– Отдай, пожалуйста... Ведь есть шанс её спасти, папа...

– Мы столько шансов перепробовали, – тяжело поворачиваясь на стуле, прохрипел отец. – Всё, Олежек. Надо уметь признать поражение.

– Но «Неопассол», – проговорил Олег, преодолевая пригибающую к полу, к коленям отца безысходность. – Он может помочь. Мог бы, если бы ты...

– Хватит! – Отец рубанул ладонью по столу, соскрёб крошки, сжал кулак. – Тебе не понять!

– Да уж, – выплюнул Олег. – Мне не понять, как можно потратить на куклу деньги, на которые ты мог спасти жену!

Отец встал. Не глядя на Олега, неловко, левой рукой придерживая коробку, натянул куртку. Обулся. Коленом толкнул дверь и вышел в подъезд.

Спустя минуту донёсся грохот лифта.

Олег остался в пустой квартире; в ушах ещё долго стоял скрип лифтовой кабины.

Он сжал переносицу, собрал в складки кожу на лбу. Забормотал, пытаясь хоть как-то собрать мысли:

– Что я могу... Что я могу... Ничего... Ничего не могу!

Хотел проверить баланс карты – без пароля в отцовском телефоне сделать это не вышло. Вскочил, чтобы бежать в банк, оспаривать покупку, отменять платёж... Вскочил и вспомнил, что неделю назад отец перевёл все деньги в наличку – в России достать «Неопассол» можно только из-под полы, положив кому следует прямо в карман.

Хотел рвануть на аукцион – он помнил адрес, столько раз сам притаскивал оттуда отца, полупьяного, жалкого, – но глянул на часы и понял, что на сегодня торги закрыты, искать продавца куклы бессмысленно.

Перед глазами встала серая шёлковая коробка. Олег со всей силы ударил кулаком по стене; рука онемела до локтя, из горла вырвался хриплый рык, перешедший в стон, затем – в скулёж. Он упал на колени, согнулся, обхватил голову и, монотонно раскачиваясь, забормотал:

– Мама. Мама... Мама...

* * *

Отец, непривычно трезвый, гладко выбритый, как-то резко ссохшийся, перебирал книги. Связанное с театром бросал на диван, остальное возвращал на полки. Олег старался не смотреть на этого незнакомого седого мужчину – сидел на подлокотнике кресла и, не останавливаясь, листал ленту.

Закончив с книгами, отец принялся за бельё. Вынимал с полок новёхонькие рубашки, которых никогда не носил, доставал из ящичков ремни, майки. Олег глядел в экран, не различая ни слов, ни картинок. Бормотало радио.

– Приёмник, пожалуй, тоже заберу. – Отец смущённо обернулся. – Ты-то в телефоне слушаешь. А я без радио соскучусь. Телевизор покупать не хочу.

Олег промолчал. Отец, выждав, спросил:

– Так что? Возьму? Приёмник-то?

– Бери, – равнодушно отозвался Олег, откладывая телефон.

– Ладно. – Отец ухватил провод, потянул из розетки, вздохнул, махнул рукой. – Ладно. Пускай пока болтает...

И продолжил раскладывать по полу стопки белья, хмыкая и побряхтывая.

Олег закрыл глаза, пробуя представить, что мама – дома. Например, на кухне, печёт оладьи. Или на балконе поливает цветы. Или просто сидит, читает, смотрит новости. Да на здоровье, пусть хоть «Модный приговор» включает – он слова не скажет, лишь бы смотрела...

Глаза жгло, будто в лицо бросили пригоршню песка. Олег отёр саднящие веки, встал с дивана. Отец вздрогнул, выронил коробку с запонками – всё мамины подарки. Мама всегда хотела, чтобы он носил красивые рубашки, часы, запонки. Выгадывала, откладывала с премий, покупала ему гарнитуры, зажимы, кожаные ремни. Хотела ходить с ним в театры, в музеи. Хотела, чтоб он выглядел прилично. А он только и говорил, что о куклах, и единственный театр, в который он не бежал – летел, был кукольный.

Поход на представление отец подгадывал на конец месяца, билеты заранее засовывал за уголок зеркала в коридоре. Возвращаясь домой, подолгу глядел на них, улыбался, поглаживал тиснёный узор. Утром в день спектакля брился, выбирал свежую рубашку – когда-то они болтались на отце мешком, но в последние годы всё туже обтягивали пивное пузо, – чистил ботинки. Вечером, торжественно вручив матери букет роз, брал её под руку, и они отправлялись в театр – правда, на пороге отцово внимание жене заканчивалось, весь он отдавался бархату, плюшу, блёсткам, головам из папье-маше, запахам клея, пыли и сладкой ваты. Он неистовствовал, когда видел, как продают вату, даже на детских сеансах. Ворчал, ругался, горячо доказывал: куклы не для детей.

– Куклы – искусство. Куклы – это же дворцы, настоящих кукол зодчие создают. Ты посмотри, какие лица... Брови – как арки в соборе. Какой алебастр! Кожи такой не бывает на свете, Олежек, какой тут алебастр...

...Запонки со стуком прокатились по полу. Отец пугливо шагнул к Олегу.

– Олежка... Олеченька...

Чувствуя, как перекрывает горло, как кончается воздух и рвётся наружу вой, Олег махнул на отца рукой, в три шага добрался до двери и выскочил в подъезд. Как в тумане, держась за шершавые стены, добрался до балкона между лестничными пролётами, толкнул тяжёлую дверь и зажмурился, ослеплённый светом. Снаружи валил снег, и с высоты семнадцатого этажа земля казалась белым квадратом, разлётшимся вдаль, до самой набережной. Снег заслонял гаражи и пятиэтажки, прятал скверы, дворы и скамейки, скрывал дороги и машины – только далеко впереди чёрная река глотала, глотала хлопья, не думая белеть.

Олег шагнул к перилам, провёл ладонью по поручню. Крошки снега сначала собрались в горку, а потом посыпались на его голые ноги в одних тапках. Губы сами собой растянулись в кривую ухмылку, брови съехались к переносице. Олег вцепился в мокрые перила, потянул их на себя, затряс, распугивая птиц. Облака пара вырывались изо рта и растворялись в белом пустом небе.

– Простудишься! – крикнули сзади, и на плечи легло что-то тяжёлое, меховое, с запахом старой шерсти и лосьона для бритья. Олег медленно, угловато обернулся. За спиной стоял отец – хмурился, потирая локти. Надо же, первым делом испугался, что сын простудится. То, что, может быть, Олег хотел, как снег, шагнуть за борт, отцу в голову не пришло. Да и сам Олег подумал об этом, плюнул и вышвырнул из головы – поступить так значило бы убить последнее, ради чего жила мама. Отец – тот, конечно, если что, даже не трепыхнётся: уж он-то жил исключительно для своих кукол.

– Олежек, пойдём домой.

– Уйди, – процедил Олег, сбросил его руку и повернулся спиной, к снегу.

– Да скоро уже, – непривычно-печально вздохнул отец. – Подожди чуть-чуть. Вещи соберу и уйду.

– Да? – безразлично спросил Олег. В небо ушло ещё одно облачко пара.

– Мама в завещании указала, что квартира – одному тебе. Это ж её квартира, целиком. А мне велено выметаться. Я тебе сразу хотел сказать о её завещании, но всё момента не было...

Олег злобно хмыкнул. Мама как знала, что этот кукломан её угробит.

– Ну так и выметайся, – велел он отцу, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Выметайся давай!

Отец качнулся с пятки на носок – встрёпанный, с пятнами пота под мышками, в лучшей своей футболке. Всё-таки попытался закруглить мирно:

– Олежек... Потом, позже, ты узнаешь, почему я так сделал. И мама меня простила...

– Простила? – чувствуя, как клокочет у самого горла ярость, выдохнул Олег. – Старые песни поёшь? Она тебя всю жизнь прощала, кукольник чокнутый! Чучело! Вали вон!

– Да, только вещи соберу... – пяясь, бормотал испуганный отец. – Вещи только... Те, что мои... И...

– Вали! Выметайся, урод! Убийца!

Олег наступал, тесня отца к дверям, тот пятился, теряя тапки, едва не споткнулся о порожек, развернулся, рванул к квартире.

Олег, дрожа, привалился к стене. Силы оставили. Прилив ярости сменился апатией так резко, что он испугался бы, если бы ещё мог бояться. Но чего бояться, когда самое страшное уже случилось?

Глава 2. Отец

Отец исчез – но память осталась. Въелась в квартиру ещё прочней, чем воспоминания о маме. Когда батя ушёл, во мне ещё клокотало слишком много злобы, чтобы понять, что происходит. То есть я, конечно, понимал, что всё поменялось, что как прежде уже не будет. Но никак не мог взять в толк, что именно станет другим. Что будет теперь.

Мамы нет.

Эта мысль гудела, преследовала так неотвязно, что иногда я забывал о ней, привыкая, – как привыкают к нерезким запахам или фоновым звукам. Почему-то казалось, что отец просто вышел куда-то – может, до ликёрного магазина на углу, может, пошёл к кассе спрашивать, когда приедут очередные кукольные. Новые представления к нам привозили редко, максимум – раз в полгода, но отец бегал в кассу каждый месяц. Раньше я думал, что действительно из-за представлений. А как-то мама – видать, со злости, что-то батя набедокурил, – открыла мне глаза: отец крутил с кассиршей, вот и все дела. С тех пор я старался обходить стеклянную цветную будочку по дуге. Противно.

Итак, отец ушёл. Хлопнула дверь, я сел на пятнистый, давно не чищенный диван. Вдарил кулаками в подушки. Замер, прислушиваясь, как скрипит подъездная дверь, как визжит лифт, как с глухим грохотом летят по мусоропроводу пустые бутылки.

Потом звуки стихли, осталось только это – мамы нет. Нет – из-за отца. Если бы он не потратил все деньги на эту несчастную Изольду, может, мама, если бы и не вылечилась, то протянула бы ещё хоть немного.

Я вспомнил свои нелепые, отчаянные попытки достать денег и снова вмазал кулаком по подушке. Из крыла вышитой бабочки торчали нитки, пуговица отвалилась и закатилась под диван – отец никогда не заморачивался такими мелочами, а маме, когда врачи отпускали домой, было не до зашивания: вещи бы поменять да поесть приготовить.

В носу защекотало, но я уже знал: чтобы справиться с тоской, нужно перебить её более острым чувством. Например, злостью. Я схватил подушку, швырнул её в угол и расколол горшок с засохшим растением. Как оно называется, я никогда не знал; отец называл его тёщин язык, намекая на бабушку, которую я даже не видел. Язык давно засох, длинные жёлтые листики отвалились, и я не стал утруждать уборкой.

Вместо этого решил заняться чисткой другого рода. Рывком стянул себя с дивана, вытащил из обувного шкафа чёрный мешок, зашёл в ванную и одним махом сгрёб туда все отцовские баночки и бутылки. Батя почти никогда не выглядел ухоженным, хотя притираний у него было пруд пруди – всё мамины подарки. Мама, выпив немного, сама говорила, что с самого начала мечтала сделать из него человека. Да только ничего не вышло, при всём мамином педагогическом стаже. Видимо, воспитание студентов и мужиков – занятия принципиально разные.

Банки, лосьоны, бритвы с налипшими волосками, засохшие влажные салфетки, даже не раскрытые пробники парфюма... Всё это едва заполнило дно мешка. Я смахнул внутрь бутылки с шампунями, сунул грязное бельё из таза. Выволок мешок в комнату, загрузил туда оставшиеся отцовские книги и тряпки. Сверху сунул коробку с кукольным барахлом: воск, лоскутки, лаки... На миг задумался, почему отец не забрал эту коробку. Дёрнулся к телефону, но от звука отцовского голоса, прозвучавшего даже просто в голове, плюнул прямо в мешок и выволок его за дверь.

Хотелось рвать, орать, бить. Хотелось плакать – до саднящего горла. Я метался по квартире, и качели носили меня от апатии к бешенству, туда-сюда. Когда ярость отпустила, на смену ей пришло уже даже не безразличие, а глухая апатия. Я сел у окна и не знаю сколько перебирал крупинки земли от тёщиного языка.

Очнулся от звонка.

За стеклом стояли синие сумерки, в доме напротив блестели жёлтые и рыжие огоньки. Совсем как ситцевые лоскуты, имитировавшие костёр в спектакле «Кто найдёт утёнка?». Это была одна из сказок, которые я особенно любил, – всё потому, что куклы в ней были животными, а не людьми. Забрать приглянувшихся зверят из театра, разумеется, никто не позволил, но вечером после спектакля отец достал кукольную коробку, вытащил старую резиновую утку, которую мне пускали в ванну, и мы вместе, в белом круге настольной лампы, склеили утёнка из папье-маше. Потом я прилепил ему пластилиновый клюв.

Сколько мне было? Лет семь, восемь. Тогда безумие отца только начиналось, тогда он ещё не сходил с ума по персонажам «Серой мельницы». Но его увлечённость, его азарт затягивали и меня – в ту пору сам театр казался сказкой: искрящейся, манящей.

Я искоса глянул на зеркальный шкаф. Утёнок сидел где-то в залежах на стеклянной полке. Иногда он мне снился.

Телефон всё верещал. Я хотел сбросить звонок, но мазнул глазами по экрану и вздрогнул. Звонила мама.

Я забыл всё, прижал телефон к уху и выдохнул:

– Мама? Мама!

– Добрый вечер. Это страховой агент. Я говорю с Олегом Петровичем?

Что-то внутри оборвалось.

– Откуда у вас этот телефон?

– Простите, я говорю с Олегом Петровичем?

– Да, да! Откуда у вас этот телефон?

Надежда, полыхнувшая было, прогорела вмиг, оставив в желудке боль, а на языке – вязкий вкус, как от слишком крепкого чая.

– Я хочу предложить вам услуги по переводу средств со счетов умершего. На имя вашей матери, Ангелины Юрьевны Крыловой, открыты корреспондентские счета в трёх банках. Мы предлагаем перевести деньги быстро и без волокиты. Оплата – три процента от суммы счёта, средства переведут по указанным вами реквизитам в течение шести часов. Поскольку вы ещё несовершеннолетний...

Я затыкал отбой, попал только с третьей попытки, и тактичный женский голос продолжал, продолжал убеждать...

Сумерки сгущались, снег прекратился. Небо на горизонте пошло малиновыми полосами, стало похоже на цирковой шатёр. Отдельные мелкие снежинки всё ещё крутились, поблёскивая в темноте, липли к стёклам. Я понял, что болит голова. Может, от голода; я не помнил, когда ел в последний раз.

Вышел на кухню; там было зябко, цветы на окне скукожились. Я полез в холодильник, нашёл старые сосиски. Мог бы сварить, но не знал, сколько воды, сколько варить. Содрал шкурку. Сначала от мясного запаха повело, но потом я впился в сосиску и проглотил её в три укуса – холодную, без соли. Полез за хлебом, но нашёл только старую корку в усыпанной крошками хлебнице.

Закат погас, а отца всё не было. Я знал, что он ушёл навсегда, но в голове всё равно не укладывалось. Наверное, нужно было что-то делать. Какие-то бумаги. Наследство, завещания. Однажды, проходя мимо юрцентра, я видел вывеску с услугами. Среди прочего там было: «Юридическая помощь при утрате близких». Так что, вероятно, есть какие-то специальные процедуры.

Я решил, что наутро позвоню отцу, спрошу, что делать. Моя неприязнь к нему, крепнувшая год от года, всю жизнь варилась на медленном огне. Со смертью мамы огонь вспыхнул, и неприязнь выварилась в ненависть – не знаю, насколько её хватит, прежде чем она свернётся и завоняет на дне котла. И всё-таки – у меня не осталось никого, кроме отца. Не у страховых же агентов спрашивать, что делать дальше.

Как бы то ни было, до восемнадцати я вряд ли смогу сделать что-то сам. До восемнадцати ещё целых три дня. Надо же, как похоже; был такой спектакль – «Без девятнадцати девятнадцать». Отец очень его уважал. На премьеру мы ходили втроём – это случилось гораздо позже истории с утёнком, и это был один из немногих вечеров, когда мы были самой нормальной, самой обыкновенной семьёй – до тех пор, пока отец не нырнул за кулисы.

Мы с мамой ждали его в золотистом душном фойе больше часа. Мама, нервная и необычно ласковая, купила мне мороженое, потом – пёструю брошюрку про кукольные театры мира (как будто я о них не знал), потом – липкие леденцы. Стрелки в виде моноклей черепахами ползли по огромному циферблату, а бати всё не было. Я обгрыз леденцовые палки. Мама обругала отца, схватила меня за руку и повела домой.

Я слышал, как они ругались ночью – сначала шёпотом, потом всё громче. Отец горячо говорил о коллекционных куклах, убеждая мать. Говорил, что перуанский театр нынче вечером был проездом через Крапивинск, что у них случился какой-то междусобойчик, что они привезли особую куклу, может быть, ту самую... Ту самую, одну из тех, за которыми он гонялся вот уже столько лет.

Мама не понимала. Мама злилась. Мама упрашивала его прекратить просаживать деньги, игнорировать сына. Распалившись, начала кричать, угрожала, что выкинет всех его кукол. Отец испугался; когда он выпивал не много, но и не чуть-чуть, – всегда становился боязлив. А в тот вечер, видать, перепало ему на междусобойчике от перуанских коллег.

– Олечек.

Батя позвал так явственно, что я обернулся, чуть не уронив хлебницу. Конечно, в кухне никого не было. В квартире, во дворе – тоже. Во всём мире не было никого, кроме вновь рухнувшего с небес снега. Он падал, как крупинки пенопласта, как будто искусственный. Отец в декабре резал такой из фантиков – собирал их весь год, а потом пускал на спектакли: под Новый год наступал сезон «Серой мельницы», а там как раз требовалось много снега. В хорошем настроении батя звал резать снег и меня. В особо хорошем позволял протирать перед спектаклем наших домашних кукол – но только угрюмую русалку Арабеллу, длинноносую светленькую Изольду, белобрысого Мельника и задумчивого Звездочёта. Остальных троих – толстяка Кабалета и рыжебородых близнецов Онджея и Орешету с третьим глазом во лбу – трогать не разрешалось ни за что.

Я спрашивал, почему, но отец отмахивался. А любопытство разбирало – особенно зимой, когда он почти каждый день увозил кукол в театр, тщательно укладывая в серый ребристый чемодан, устланный бархатом. Любопытство распирало, и однажды, дождавшись, пока бати не будет дома, я полез к запретным куклам.

Меня застучала мама.

– Отец ведь просил тебя не трогать? – ровно спросила она.

От неожиданности я покачнулся на табурете и едва не упал. Мама подхватила меня, помогла слезть. Повторила:

– Ведь просил?

Я хмуро кивнул.

– Так зачем ты полез?

– Хотел посмотреть. Просто посмотреть!

Я вскинул глаза на маму, отчаянно, в третий раз пробормотав:

– Посмотреть! И всё!

– Папа тебе не объяснял, почему туда лезть не надо?

Её голос начал подрагивать, но тон всё ещё оставался спокойным, даже прохладным. И смотрела она строго, почти рассерженно. Меня эта сердитость изумила: мама редко бывала заодно с отцом, обычно их требования раздёргивали меня на части, приходилось юлить, лавировать – с мамой вести себя так, с отцом эдак, с обоими вместе – и вовсе проявлять чудеса

изворотливости. А в этот раз, смотри-ка, мама согласна с тем, что велел отец. Я на такое вероломство не рассчитывал. Если бы знал, подгадал бы, пока дома не будет вообще никого.

В общем, на кукол мне поглядеть не удалось. Правда, отругав, мама всё же сжалась, объяснила, что куклы эти – коллекционные, большая, очень большая ценность. А кроме того, такие безобразные, что вызывают дурные сны.

– Это особые куклы, – с нажимом повторила мама. – Герои страшной сказки. Мы с папой не хотим, чтобы ты с ними играл.

Мы с папой. Это «мы с папой» так меня поразило, что я кивнул, даже не обдумав толком, что за такая плохая сказка. «Мы с папой»! Я с детства знал, видел, что отношения у них так себе, шаляй-валяй, не чета киношным семьям. Но после всяких «Денискиных рассказов» так хотелось нормального, весёлого, чтобы просыпаешься, идёшь в кухню – а там мама с папой смеются...

Застило мне мозги это «мы с папой». Я всю ночь промечтал, как мы вместе будем ходить по зоопаркам, по бассейнам, аттракционам... Засыпал такой счастливый. Тем более что, когда отец пришёл, мама его встретила не упрёками, а тихим говором, и батя в ответ не ворчал, а тоже тихонько что-то говорил. Мама засмеялась, и отец ей вторил. Я это слышал сквозь дрему; решил уж было, что мои чаяния сбылись.

Правда, на следующий день всё пошло по-старому, и завтрак начался с воплей отца: он заметил, что кто-то трогал кукольный чемодан.

Глава 3. Куклы

Как и планировал, утром Олег позвонил отцу. Механический голос отрезал: абонент говорит по другой линии. Повинуясь нахлынувшему раздражению, Олег швырнул телефон по столу, но всё же успел поймать: не лучшие времена, чтобы покупать новый.

Голод мучил ещё с пяти утра; Олег не помнил, спал ли ночью: мерещились то мать, то отец, то воспоминания наплывали, заслоняя реальность. Он проворочался сбоку на бок, прислушиваясь к тишине. Обычно в родительской комнате то и дело скрипела кровать, кряхтел отец, раздавались шаги по линолеуму. Иногда мама вставала, бралась за непроверенные рефераты – свет планшета пробивался сквозь щель под дверью, и засыпалось при нём куда легче. А сегодня было тихо. Только бубнёж соседского телевизора наверху, гул холодильника, капанье воды. Пустые, неживые звуки.

– Не трогай, пожалуйста, – вслух произнёс Олег, не зная, зачем, кому адресует эти слова, что хочет сказать.

Может быть, не стоило так орать на отца.

Снова выплыли, навалились воспоминания. Приходили в голову хорроры, от которых днём хочется смеяться, а ночью – крепче завернуться в одеяло. Олег порадовался, что не начал принимать психотропы, как советовали в больнице. С них, говорят, ловят галлюцинации – только этого сейчас не хватало. Правда, после таких мыслей сразу начало мерещиться что попало. Олег встал, зажёл свет по всей квартире, сел в самом обитаемом месте – в кухне. Глядя в серую столешницу под мрамор, принялся ждать утра.

Голод подтачивал; он доел сосиски, нашёл под комодом деньги, хотел пойти в магазин, но вспомнил, что супермаркет только до одиннадцати ночи. Куда в шестом часу утра пойдёшь за продуктами? Олег знал, что в районе есть ларьки, но сомневался, что они работают ночью.

Настенные часы показывали начало девятого, когда он взял телефон и второй раз набрал отца. Уже почти нажал на вызов, когда рука дрогнула.

За окном клубился туман. Солнце если и поднималось, то где-то за домами, в толще снежных туч.

Олег посмотрел на мобильник. Затем на улицу. Подошёл к подоконнику, выглянул, прижавшись лбом к стеклу, и несколько секунд рассматривал пустую, запорошенную площадку перед подъездом.

Отца нет дома. Никого нет дома, кроме него. Никто не мешает ему забраться в тот чемодан.

Он рванул в комнату (теперь встать на табуретку, чтоб дотянуться до антресолей, не требовалось) и зашарил по верхней полке. Ладонь загребала пыль, бумажки, старые чеки...

Олег, чертыхаясь, смёл мусор на пол, залез рукой глубже. Обшарил даже углы, хоть и знал, что уж туда-то громоздкий чемодан точно бы не влез. В тупом упрямстве пододвинул стул, взобрался – жалобно, противно скрипнула сидуха, – осмотрел углы с той тщательностью, с какой в детстве перетряхивал ветровки в поисках монет.

Чемодана не было.

Ну конечно. Разве отец мог оставить своё сокровище. Сокровище, разорившее, погубившее семью.

В мгновение ока перед глазами пронеслись бесконечные спектакли отца, его отлучки, отъезды, скандалы шёпотом в кухне, мамины слёзы, пёстрые либретто с исписанными полями, подвыпившие друзья, бутафорские свечи, бархатные лоскутки, стружки засохшего клея, похожие на обрезанные ногти, разбросанные по всему полу...

Олегу показалось, что пахнуло воском. Этот сладковатый, плотный запах он знал слишком хорошо и ненавидел уже достаточно крепко. Запах душил, запах напоминал о тесных плесневелых каморках, где хранились куклы.

Покачнувшись, Олег слез с табурета, подошёл к окну, с трудом отвернул ручку, распахнул раму и упал в кресло. Откинулся на спинку. Закрыв глаза.

Проснулся от холода: за окном стояло розовое зарево, кричали птицы, руки были ледяными. Олег выхватил из кармана телефон и набрал отца.

«Абонент временно недоступен».

Олег встал, прошёлся туда-сюда по комнате, оделся и вышел. На маминой карте оставались кое-какие деньги – если карту, конечно, ещё не заблокировали. Плюс те купюры, что нашлись под комодом... Надо было купить хотя бы еды.

Морозный воздух вспорол лёгкие, в носу то ли зашекетало, то ли закололо. Олег натянул рукава на покрасневшие пальцы, постоял, привыкая к солнцу, и по скрипящему снегу пошёл в супермаркет.

Хотелось борща. Очень хотелось борща, отчаянно, до одури. Олег совал в корзину морковь, картошку, лук, томатную пасту. Поминутно оборачивался: казалось, мама стоит за плечом, готовая подсказать или одёрнуть. Но за спиной толпились только незнакомые тётки, грузчики и заспанные кассиры.

– Что ещё надо на борщ? – негромко, но вслух, чтобы привести мысли в порядок, спросил Олег. – Картошка. Лук. Мясо. Мясо надо...

Он прошёл к мясному прилавку, долго вглядывался в замороженные окорочка, лотки с фаршем, розовые куриные тушки. Выбрал самый аккуратный на вид жёлтенький лоток с каким-то крыльями. Мясо – оно и есть мясо, какая разница, что класть в кастрюлю.

Затем сосредоточился на выборе специй, не забыл укроп и лаврушку. Попытался вспомнить, что ещё мама клала в кастрюлю, но быстро отогнал видение – слишком явно перед глазами встала сама мама, помешивающая суп. Как-то, когда она готовила, явился отец и объявил, что купил рыжебородого Орешету. Мама уронила половник в кастрюлю. В тот вечер был крупный скандал, причиной которого, как всегда, стала кукла. На ночь отец, видимо, пытаясь извиниться, заплетающимся языком шептал, что выписал Орешету откуда-то из-под Питера, из прекрасного сада, в котором цветёт волшебный виноград...

Самого Орешету Олег видел только мельком, но терпеть не мог из-за третьего глаза на лбу. Обычные глаза бородача, левый и правый, были узкие и жёлтые, а тот, что во лбу, – широко раскрытый, белый, опушённый длинными ресницами – глаз-слепец. Олег испугался, а отец только рассмеялся, спросил – как же ты этого глаза боишься, если он на тебя всю жизнь из-за стекла глядит?

За окном в комнате Олега и вправду светил белый фонарь – в сумерках его свет казался голубоватым. Отец сказал, что это четвёртый глаз Орешеты, и, как ни разубеждала мать, Олег верил в это до тех пор, пока батя, трезвый как стёклышко, однажды не принёс домой Онджея – близнеца Орешеты, во лбу которого торчал точно такой же, только со сколом, слепой белый глаз. Маме он сказал, что уже давно получил куклу в наследство от своего отца, а теперь вот забрал. Олег плохо помнил последовавшую после того ссору; но слепые кукольные глаза заставляли морщиться и сейчас, много лет спустя. Причём второй глаз, Онджеев, не вызывал такой оторопи. Но вот глаз Орешеты... Хорошо, что за эти годы никаких других кукольных приобретений не случилось. Кроме этой Изольды в серой коробке, из-за которой... Из-за которой...

Олег запрокинул голову, чтобы слёзы затекли обратно, и быстро пошёл, почти побежал к кассе. Всё. Хватит. Надо домой. Надо прийти домой, что-то поесть, дозвониться отцу – страх по-настоящему, полностью, насовсем остаться одному перевешивал ярость – и решить, что делать дальше.

Ковыляя к дому, Олег свернул с тропинки между берёз на бесконечную, тянущуюся между многоэтажек дорогу, упиравшуюся в зимнее солнце. Вдруг подумал, что сейчас на это похожа его жизнь: сплошная белизна неопределённости, свет, который не греет, и холод, забирающийся под рукава и в воротник. Продирающий до печёнки, до нутра, до самого сердца.

Войдя в подъезд, Олег побыстрее завернул в лифтовый холл – не хотелось, чтобы привязалась консьержка или кто-то из случайных встречных. В ожидании лифта он прислонился к серому металлическому косяку; где-то тут они с мамой рисовали невидимыми чернилами, когда вернулись из канцелярского магазина, а лифт уж очень задержался... Мама писала стихи про козлика, а он рисовал какие-то рожи. Только сейчас Олег сообразил, что, возможно, мама имела в виду отца. Усмехнулся, несмотря на сосущую пустоту внутри.

Вдохнул, выдохнул, шагнул в подошедшую кабину и с силой ткнул в барахлившую кнопку семнадцатого этажа. Быстро мазнул взглядом по зеркалу: бледный, острокосый, белобрысый, под глазами синева. Нос красный. Громадный прыщ на подбородке – совсем как у хлыща-Мельника, хотя Олег никогда не понимал, кукле-то уж зачем прыщи. Отец от вопроса привычно отмахивался.

– Олежек.

Он вздрогнул, выскочил из лифта и метнулся за угол. Перед дверями стоял отец.

– Батя... – выдохнул Олег. Ощущение того, что он выпал из жизни, покинуло ровно на ту секунду, что понадобилась, чтобы понять: отца тут нет. Вообще никого нет. Пустая площадка с тремя дверьми, сладковатый гнилой запах от мусоропровода и невесомая пыль по углам. Всё.

Олег опустил голову, медленно подошёл к своей двери, стараясь выровнять дыхание. Сунул ключ в замок, провернул – скрип, выученный до последней ноты. Квартира встретила тишиной и промозглостью: не закрыл окно перед выходом. Теперь выморозило насквозь...

Свалив пакет с покупками на кухонный стол, Олег снова набрал отца.

«Абонент временно недоступен».

– Да чтоб тебя!

Он вынул из шкафа пятилитровую кастрюлю, в которой мама варила суп. Подумал, сунул её обратно. Ну его – вдруг ещё не получится. Пусть будет кастрюля поменьше. Набрал воды, поставил на огонь и принялся методично разбирать продукты, пытаясь заполнить мысли. После того, как позвонили из больницы, в них обосновался полный хаос. Потом наступил белый шум. Теперь – пустота с цветными всполохами, похожими на отсутствие сигнала в старом телевизоре – Олег ещё застал такой на даче у маминой мамы. Вот везёт кому-то, у кого есть бабушки. Если бы и его была жива, позвонил бы сейчас ей. Всё не один...

Опять навалилось, сжало горло ощущение одиночества. Олег разложил на столе грязную морковь, укроп, сетку с картофелем. Ножом вспорол лоток с мясом, бухнул всё в закипавшую воду. Помыл картошку, помыл морковь. Если с последней проблем не возникло – натёр и добавил к мясу, – то картошка ввергла в сомнения: всё-таки слишком грязная, даже после мытья. Он вспомнил, что где-то была специальная картофельная чистилка. Пока искал, не заметил, как запрыгала на кастрюле крышка. Снял её, чертыхнувшись, принялся счищать кожуру ножом, поранился, полез за пластырем... В мутный, в кучерявых пенках бульон закапала кровь.

– Борщ становится красным, – пробормотал Олег, левой рукой неловко заклеивая ранку. Вспомнил, что не купил свёклу – главный борщевой овощ. Вздохнул, выключил плиту, отрезал хлеба и пошёл в комнату. Клонило в сон. Олег сжевал корочку, сел на кровать, откинувшись на стену. Десятый час. Где отец? Почему не берёт трубку?

Мягкими, настойчивыми волнами накатывал сон. Хотелось забраться под одеяло, укутаться по самый нос, сжаться. Казалось, если сжаться – уменьшится и тоска, переходившая потихоньку в обычную физическую боль: тянуло спину, и во всём теле плыла такая усталость,

будто полдня гонял на велике в Ботсаду, а потом ещё помогал отцу разгружать багажник после дачи.

Отец.

Мама.

Очень хотелось заснуть и проснуться в нормальный мир. Не в это вот всё, а в нормальный, прежний мир... Пусть отец орёт и просаживает деньги, пусть мама шипит и бьёт его, пьяного, полотенцем, пусть куклы лупают со шкафа своими прозрачными глазами навывкате – лишь бы всё было как прежде. Лишь бы... Лишь бы... Лишь бы.

Глава 4. Наталья

Странное у меня было чувство – я жил в этом доме столько, сколько себя помнил. А теперь уходил.

Но обо всём по порядку; хочется навести порядок хотя бы в мыслях – потому что в сумках, в документах, в телефоне и в других местах его точно нет. Да и других мест теперь тоже нет: полдень, можно считать, арендаторы официально въехали в квартиру.

Всё.

От автобусной остановки я ещё раз оглянулся на наши окна. Свет горел в кухне и в обеих комнатах – прямо как когда вовремя не возвращался отец. Или когда мама собиралась на какой-нибудь благотворительный приём. Но теперь не было ни отца, ни мамы...

Ни отца, ни мамы. Ха-ха.

В тот день я так и не дозвонился до бати. Звонил раз тридцать, без толку. После девяти вечера прекратил. Если отец упился, трезвонить бесполезно. Что с ним могло приключиться ещё, я думать не хотел. Всегда боялся, что дурные мысли притягивают дурные вещи, но в этот раз бойся не бойся, думай не думай... Случилось так, что отца хватил удар, когда к нему пришли из-за долгов. Поэтому он и не отвечал.

Денег на Изолду с одного «Неопассола» не хватило, он занял почти три миллиона. Отдавать было нечем – молодец, мама, что заранее позаботилась, чтобы бате хотя бы квартира не досталась, иначе был бы совсем капец.

Как будто и так не совсем.

Оказывается, отцу уже несколько недель угрожали, он скрывал это от нас с мамой, рассказал только своей любовнице. Я знал о ней раньше, и мама знала, но почему-то закрывала глаза. Я тоже не лез. А она, любовница, полезла: телефон отца ответил на третий день, но поздоровался со мной не батя, а она. Представилась Натальей. Я раньше не знал, как её зовут. Мама если и говорила мельком, то только сквозь зубы, презрительно: «она». Теперь я понял, почему отец то и дело напевал: Натали, утоли мои печали, утоли...

Наталья сказала, что она подруга отца. Ну-ну. Знаем мы таких подруг, после которых батя виновато улыбается, благоухая сухим и сладким. Мама духами никогда не пользовалась, так что сразу было понятно, кто откуда пришёл. Непонятно было другое: как мама могла это терпеть. А вот на что клюнул отец, ясно сразу: я как увидел эту Наталью...

По телефону она наплела, что должна мне что-то сказать. Спросила, может ли прийти к нам. Я сказал, нет. Она предложила встретиться в кафешке через дорогу. Кафешка! Что за слово идиотское. Я сказал, что вообще с ней встречаться не желаю. Тогда она оставила мармеладный тон и объяснила, что отец велел ей кое-что мне передать.

Я согласился. Чего терять-то. Терять уже было нечего, цветные помехи внутри сменились чёрными, тягучими пятнами. Проспав до обеда, я доел хлеб с чаем и отправился в кафе. В школу я перестал ходить регулярно, ещё когда мама была жива – просиживал с ней в больнице, а она была не в том состоянии, чтобы призывать меня к дисциплине.

– Мама. Мама. Мама.

Шёл и бормотал. Слова сами лезли на язык, и порой я не мог угадать, что сболтну в следующую секунду. Хорошо, что случалось это не часто. Не хватало ещё при Наталье начать бормотать.

...В кафе пахло горячим, мясным. Мимо проплыл круглый поднос с пышущей пиццей. У меня набрался полон рот слюны: горе горем, а есть охота. Очень охота. Перед глазами пошли мушки, резко подвело живот, ноги ослабли. Я рухнул за ближайший стол, готов был выдавить соус из соусницы и проглотить прямо так, с салфеткой. Подошла официантка, пошевелила губами. Я не понял, что она спросила. Мотнул головой: платить всё равно было нечем. Офи-

циантка настаивала, наклонилась, сунула мне под нос меню. Я боялся, что меня стошнит от голода, пытался отмахнуться; руки были как вялые макароны.

Я сжал голову, согнулся, пытаюсь от неё отвязаться. Официантка встревоженно застрекотала. Затрясла меня за плечо.

– Олег? Эй, Олег! Девушка, воды принесите!

В руки ткнулся стакан. Я глубоко вдохнул, глотнул. Краем глаза заметил, как напротив уселась яркая, красивая женщина. Когда чуть-чуть полегчало, поднял голову.

– Лучше?

– Да.

Она протянула через стол руку.

– Наталья.

Я свою не протянул. Много ей чести, отцовской любовнице. Но рука у неё была изящная, тонкая, с белыми кольцами. Я где-то читал, что мужчины влюбляются в руки.

У мамы руки всегда были красноватые, а пальцы короткие и широкие. Маникюр она никогда не делала. А у этой Натальи – фиолетовые когти под мрамор.

– Олег, – сквозь зубы буркнул я.

– Знаю, – вздохнула она. – Петя о тебе рассказывал. Много рассказывал. Гордился тобой.

– Было бы чем.

– Ему нравилось, что ты с его с куклами возишься, в театр ходишь. Я вот этих кукол на дух раньше не переносила. А потом, как послушала его... Так и влюбилась. Но я ему говорила. – Наталья поморщилась, осеклась, снова вздохнула. – Я ему говорила: отстань от этой мельницы, не бери столько в долг! Он же из-за этого умер. Не смог вовремя отдать, к нему пришли, потребовали. Видимо, угрожали. Сердце не выдержало...

Я слушал, разглядывая свои колени. Смотреть на отцову страсть не хотелось, хоть и выглядела она, как куколка с обёртки. Странно и противно было думать, что она вот этими белыми руками, лиловыми ногтями касалась отца, щекотала ему щеки своими шоколадными локонами, когда целовались...

– Я ему говорила: не сможешь отдать, не сможешь, – твердила Наталья, будто пыталась меня убедить. – А он... Ох и чудик был отец твой. Он говорит: зато куклу куплю. Я ему: тебя убьют, на кой тебе кукла? А он: сыну, мол, достанется. Олег моё дело продолжит. Тоже будет кукол собирать.

– Сдались мне эти куклы! Да пошли они все на...

Вырвалось помимо воли. Я сцепил зубы. Неужто батя такой идиот, что вправду считал, что я тоже буду как он, дурак дураком, в куколки играть?

– А Петя говорил, ты на кукловода пойдёшь учиться. – Наталья подняла брови. Кивнула, подзывая официанта: – Флэт уайт и шоколадный кекс. Олег?..

– Нет, ничего.

На кукловода? Он в своём уме? А я в своём уме – разговаривать с его любовницей чинно-мирно за кофеём? Хотя кофея-то у меня и не было. А от её чашки пахло так, что ноги подкашивались.

– Он тебе велел отдать вот это. – Наталья кинула на стол белый конверт. – Там его карточка, пинкод и письмо. Тебе.

Карточка – это кстати, очень кстати. А что ещё за письмо?

Наталья, поболтав в чашке гнутой ложечкой, глянула испытующе:

– Мне кажется, там про кукол. Про коллекционных. Тех, что в чемодане.

– Чемодан у вас?

Опять вырвалось прежде, чем я успел подумать. Не стоило, наверно, показывать Наталье, что это какая-то ценность. Впрочем, отец ей, скорей всего, и так сказал.

– Ещё чего, – замотала головой она. Прошептала: – Мне этого добра не надо! Чтоб как Петю грохнули... Хотя Изольда, конечно, хороша...

Наталья замолчала, уставилась в окно; взгляд у неё расфокусировался, расплылся, будто она видела там что-то, что не видел я. Низко, мечтательно произнесла:

– Вот, знаешь, говорят – страшная красота, неземная. Это про неё. Про Изольду.

Не знаю, не знаю. Как по мне, Изольда просто гордячка со вздёрнутым носом и косящими глазами.

Наталья помолчала с пару секунд, встряхнулась и продолжила прежним тревожным шёпотом:

– Хорошо, что мать твоя не трепалась, никому про нас не говорила. Давай, бери письмо и сам уже думай, как дальше.

Трепыхнулось в груди.

– Так вы с мамой знакомы?

– А как же, – проворчала Наталья, подталкивая ко мне конверт. – Прячь уже, не сверкай им.

– А как? Когда?

– Тебе какое дело? Знакомы и знакомы. Ты о себе лучше думай, не о маме.

Я сунул конверт в рюкзак, долго возился с молнией. Наталья смотрела выжидающе, будто последняя фраза была не риторической. Я буркнул:

– Чё думать. Думал уже.

– И что надумал?

– Грузчиком пойду.

– А дальше?

– Откуда я знаю?

– Олег, я тебе серьёзно говорю. Подумай!

Внутри уже не просто трепыхалось. Внутри клокотало.

– О чём ещё думать?

– Куда идти учиться, какую профессию...

– Ещё не хватало, чтоб вы меня учили! Если б не вы, отец бы, может, не такой был! Может, всё нормально бы было!

– Отец бы, – прошипела Наталья, придвигаясь ко мне, обладавая резким кофейно-шоколадным духом, – ещё раньше ушёл. И мать бы твою доконал, и тебя бы разорил вконец, если бы не я.

– Да что вы такое говорите!

Она откинулась на спинку диванчика, взяла чашку. Неожиданно спокойно произнесла:

– Ты бы, чем плевать, послушал бы и всерьёз подумал. Ну, пойдёшь грузчиком. А дальше? Посмотри на себя. Дрыщ! Сколько протянешь? А потом на что будешь жить?

– У меня квартира есть.

– Есть. Только за неё платить надо. И еду покупать. И одежду. Другие вещи тоже нужны. Всю жизнь будешь грузить? Да завтра же надорвёшься! Вон, конституцией весь в папаню. Ещё сопьёшься, как он, пузо отрастишь, и будет точь-в-точь.

– Что ж, если он такой противный, вы с ним цацкались?

– Не твоего ума дело. – Наталья глянула поверх чашки. – Твоего ума – найти сейчас жильцов и сдавать квартиру, а самому где-нибудь притулиться. И получать профессию. А пройдёт года два-три, утихнет немножко, – и попробуешь продать кукол.

– Почему не сейчас?

– Потому что. – Наталья снова приблизилась, навалилась на стол и полной грудью смела хрупкую салфетницу. – Потому что, если сейчас на аукцион выставишь, налетят, надавят и заставят продать за бесценок. Ты сначала разберись, что почём.

- А вы в курсе?
– Надо оно мне! Одни беды от этих кукол. Снаружи локоны, фарфор, внутри дерьмо. Да ещё эти страшилища с третьим глазом...
– Вам отец Орешету показывал?.. – изумлённо спросил я.
– И Орешету, и второго рыжего... этого... Орнжея? Онжея? У меня язык ломается это выговаривать.
– Так вы знаете, за какую цену их можно продать?
– Нет! Зато я знаю институт, при котором можно пристроиться в общагу, не будучи студентом. Найдёшь жильцов – позвони.
– А... как искать?
– В интернете! Солнышко, ты вообще к жизни не приученный? В школу-то хоть ходил? Эта баба меня выбесила. Я готов был ей врезать. И всё-таки она подсказала дельную мысль. И про ту общагу... Она была мне нужна.
Я встал из-за стола, подтянул рюкзак и учтиво выдохнул:
– Ходил. До свиданья.
– Позвони, – крикнула она вдогонку. – И не думай, что я тут перед тобой выстилаюсь, мне Петя за это заплатил!
– За что он ещё тебе заплатил? – пробормотал я, шатаясь, шагая к выходу. – Змея подколодная... Шоколадный заяц...

* * *

Я нашёл жильцов на местном сайте объявлений. На крупные сервисы идти не решился: чего лишний раз светиться. Наш, местечковый, «Крапива-хата», как-то надёжней, что ли. Правда, увидев семью арендаторов, я опешил. Мать – огромная, в кожаной куртке, едва сходящейся на свитере (мне показалось, она беременна), с высоко нарисованными бровями. Отец – худющий, весь в чёрной коже, в очках-консервах и с продранными коленками. Сын – с длинными пепельными волосами, в борщухе и мотоциклетной куртке в заклёпках.

Те ещё типажи, но выбирать не приходилось: залог они внесли как положено, за первый и последний месяц расплатились, акт сдачи-приёма подписали (про акт меня надоумила Наталья). Глава семейства, чёрный человек, попросил меня показать, где тут счётчики, и научить перекрывать воду. Я пошёл в ванную, с умным видом отодвинул пластмассовую дверку в стене и устался на краны. Выбрал тот, что потеплей, ткнул:

– Вот. Горячая. Та холодная.

Надеюсь, это действительно так. И, надеюсь, квартиру не зальёт, пока они будут тут жить.

До чего тупое, тоскливое чувство – уходить из дома. Никак не укладывалось в голове, что я не приду сюда вечером, не вернусь завтра. Не укладывалась, что мамы нет. Что отец умер. Как будто я уснул, а проснуться забыл или никак не мог. Иногда я правда верил в это, щипал себя за пальцы, вонзал ногти в ладони. Бред.

...За грязным, в потёках, окном автобуса плыли серые гаражи, осевшие сугробы. Потеплело, и с самого утра шёл мелкий дождь. Вскоре подул ветер, и дождь превратился в ливень. Сугробы теряли в росте и весе; под ногами чавкало, ботинки промокли, хотя прошёл-то я метров сто – от крыльца до остановки. Обычно я всегда ходил пешком; мама говорила: больше пёхом, а то отрастишь пузо, как у отца. Но сегодня, в такую погоду, с такими котомками тащиться вдоль мокрой обочины не было никакого желания. Из мира выжали краски, остались только бескрайние, с заиндевелой корочкой лужи, белёсое небо, чёрные кривые стволы деревьев. Взяли, накапали сверху горьких мутных чернил, вот вам и февраль.

Не знаю, откуда взялась эта фраза про февраль. Может, из каких-то стихов.

Я, не глядя, возил ногами по автобусному полу, растаскивал грязь. Приближалась кондукторша, приближалась остановка, приближалось что-то новое – нависало, как высотки за рекой. Ремень гитары врезался в плечо сквозь куртку; карман на чехле оттопыривался – я напихал туда, сколько мог. Рюкзак, тоже забитый до отказа, торчал в проход; замок не закрывался, разъехался, пришлось перевязать отцовым ремнём, уцелевшим после того, как я повикидывал отцовы вещи. Батя вообще с собой совсем немного вещей взял – правильно говорят, в могилу много не унесёшь. Кукол и тех не забрал. Наталья сказала, он их оставил в сейфе в каком-то банке; в письме он указал все реквизиты, умолял спрятать кукол понадежней. Не знаю, что может быть надёжней банковского сейфа. Но, может, я заберу их оттуда, когда разгребусь немного.

Автобус подпрыгнул на повороте, в стекло плюхнуло пригоршней дождя, на коленях подскочила сумка от коньков. Вместо коньков там лежала одежда, не до коньков было. Лыжи тоже пришлось оставить, и ролики, и кучу другого барахла... Я убежал из дома, как батя, схватив самое дорогое и что под руку попало. Тряпьё, ноутбук, зарядки, какие-то мамины украшения. Очень бестолково собрался, это я уже сейчас понимал. Все вещи, какие остались в квартире, запер в кладовку. Посуду, кроме сковороды, не взял – на что мне посуда. Мелочёвку всякую в ванной тоже оставил. Только билеты из-за зеркала вытащил, сунул в конверт к отцовскому письму.

...Наталья договорилась с комендантом общаги, и за тысячу в месяц мне выделили отдельную комнату – несмотря на то, что к инженерному институту, за которым была закреплена общага, я не имел никакого отношения. Комендантша, крашенная тетёха в синем фартуке, разулыбалась мне, дала заляпанный пропуск с мутной фотографией и велела с охранниками и жильцами особо не болтать. Так и сказала – с жильцами. Не со студентами. Выходит, тут, кроме меня, и другие нестуденты имеются.

– Ладно, ладно. Ладно.

Говорил я, видимо, сам себе, сам с собой. Сам себя уговаривал: ладно. Прорвёмся.

Помещение мне выделили на втором этаже с краю – пока шёл, с любопытством заглянул и в кухню, и в холл. Я никогда не бывал в общагах, слышал только, как батя рассказывал про свою учёбу. Мама – местная, из Крапивинска, всё студенчество она прожила дома, а вот отец приехал из Ситцева и, пока учился, сменил не одну общагу.

Но даже на первый взгляд это общежитие показалась мне куда колоритней его рассказов. Приземистое четырёхэтажное здание, безликие окна, мрачный вход. На первом этаже – бирюк-охранник, пустота и Сайлент Хилл. На втором – ещё от лестницы запах горячей пиццы, грязного белья и свежей краски. Несколько ламп в длинном коридоре перегорели, и в полумраке я споткнулся о железяку. Полетел, выставив ладони, и приземлился на панцирную кроватную сетку. Когда сверху пришмякнулся тяжёлый рюкзак, сетка жалобно заскрипела. Дверь напротив открылась, и в освещённом проёме показалась лохматая девушка в длинных штанах. Сердито велела:

– Хорош шуметь, люди спят!

Люди, видимо, действительно спали: кроме этой девушки на всём этаже я не встретил больше ни души. А может, все были на парах. Часы показывали начало второго, но за окнами висела плотная войлочная мгла, по-прежнему шёл дождь, и казалось, что на дворе девять вечера. Я навалился на крайнюю дверь коридора; хрупнув, повернулся ключ, и я оказался в своём новом доме – узком и длинном, как советский пенал. Всё ещё стоя на пороге, я зашарил по стене в поисках выключателя. Внутри стояла жуткая духота; я двинулся к окну и шагал, шагал, минув тумбочку, шкаф, стол, кровать, а комната всё не кончалась. Я шёл, как в матрице; зарешёченное окно, в которое, пробиваясь сквозь прутья, тыкались ветки, никак не приближалось. Я схватился за столбик двухъярусной кровати, подтянулся, перехватил другой рукой подоконник и наконец взялся за ручку окна. Повернул, распахнул – в комнату ворвался сты-

лый уличный воздух с капельками дождя. Я затащил внутрь сумки, сел на матрас, брошенный поверх такого же панциря, на какой я наткнулся в коридоре.

Яркий свет длинной офисной лампы слепил глаза, но здесь, на нижнем ярусе, было получше, посумрачней. Я посидел, зажмурившись. Потом из-под ладони оглядел комнату: белые стены с розетками, пустой стол, под ним тумба. Подоконник весь в каких-то пятнах, хотя окна свеженькие, ещё в заводских наклейках.

Тут резче, чем в коридоре, пахло краской и штукатуркой. Судя по клокам пыли в углах, после ремонта в этой комнате вообще никто не жил. Ладно. Буду первым.

– Ладно, ладно. Ладно.

Не знаю, сколько я просидел. Когда встал – по ногам пробежались мелкие иголки, рука занемела. Надо было что-то делать, разобрать сумки хотя бы. Пойти в банк, разобраться с куклами. Записаться к юристу, узнать про мамины счета. Добраться до магазина купить чайник – я даже не додумался взять его из дома. Не возвращаться же теперь – там, поди, семейство уж всюю обосновалось.

В общем, дел было – уйма. Сил – ноль.

Я сделал круг по комнате, погасил свет и снова сел на кровать. Встал. Закрыл окно. Лёг. От подушки пахло сухим и затхлым. Я подмял её кулаком, вытянул из рюкзака футболку и накинул сверху. Стало терпимо. Отвернулся к стене и закрыл глаза.

Какой бесконечный, бесконечный день.

... Я проснулся от урчания в животе; в комнате стоял мрак, только далеко за окном мелькали, расплываясь, огоньки светофоров. Очень хотелось есть. С утра я только выпил чаю, потом, пока общался с арендаторами, было не до того. Потом пришёл в общагу и уснул. И проспал... сколько... с ума сойти, пять часов проспал...

Где-то в рюкзаке лежало печенье. Я достал, съел, но оно только ещё больше раззадорило аппетит. Я потряс рюкзак над кроватью, вываливая содержимое, обулся, накинул куртку и вышел в коридор. Надо разведать, где тут продуктовый.

В голове по-прежнему царил хаос; умом я понимал: начиналась другая жизнь и пути назад не то чтобы нет – самого «назад» больше не существует. Но сердце требовало сейчас же выйти вон, сесть на автобус и гнать домой. Я прямо видел – сквозь общажный коридор, сквозь пар, вырывающийся из дверей кухни, – наши окна. Видел машущую мне маму – расплывчатый силуэт в стекле семнадцатого этажа. Какой-то частью себя искренне верил, что если сейчас рвану домой, если успею до полуночи – обязательно всё вернётся, обязательно всё будет как прежде...

Пустое это дело – плакать на холоде.

Я сбежал по кривым бетонным ступеням и через пустырь направился к скоплению огней – на противоположной стороне шоссе мигали вывески кафе и шаурмичных. Среди забегаловок отыскал круглосуточный минимаркет и встал у витрины с готовой едой. С одной стороны, это точно будет съедобно. С другой – цены больно кусачие. Первое время придётся, наверное, экономить. Слишком плохо я представляю, что будет дальше, на что придётся тратить... Может быть, и поступать придётся платно в сентябре.

Я вздохнул, отвернулся от прилавка с сэндвичами и пошёл к лоткам с овощами. С борщом, конечно, вышло не очень, но пожарить картошку-то я смогу: у меня даже сковородка имеется. В чехле из-под коньков.

Глава 5. Катя

Олег выглянул из комнаты, когда сумерки за окном окончательно сменились тяжестью ночи. Судя по всему, в общежитии в это время жизнь только начиналась. В коридоре появились люди, распахнулись двери, донеслись откуда-то гитарные переборы, а из кухни запахло нормальной, домашней едой. Коридорные лампочки вкрутили, и на кровати, об которую Олег запнулся днём, обнаружилась целая толпа студентов. Лица было не различить; кто-то сидел на матрасе, кто-то – прямо на полу. Тут же валялись тетради, планшеты, провода наушников и зарядок...

Со сковородкой под мышкой, кульком картошки в руке и телефоном в кармане Олег заглянул в кухню и тут же отскочил: мимо, задев его щёку, пролетела влажная куриная шкурка. Ударившись в стену, шкурка мягко сползла по кафелю в мусорный бак. Олег выдохнул, обернулся и врезался в толстяка, который тут же принялся извиняться:

– Прости, братан, я курицей не целился. В мусорку хотел. Прости.

Олег помотал головой, решил, что в первый день затевать ссору не стоит, и, быстро оглядев толстяка (вроде не опасен), махнул рукой:

– Да ладно. Слушай, помоги, пожалуйста, газ зажечь. Я не...

Хотел сказать «я не местный», но на язык подвернулось:

– Не умею.

– С другого этажа, что ли?

– Д-да. С другого.

Ну, формально так и есть. С семнадцатого.

– Давай. Какую тебе зажигать? Пьезушка есть?

– Пьезушка?..

– Пьезозажигалка. Пистолетик такой, чтобы зажигать. Спичками не очень.

– А... Нет.

– И у меня нет. – Толстяк расплылся в улыбке. – Ты попроси у Кати, вон она. Она нормальная, научит. Ка-ать!

Девушка, стоявшая у заставленного кастрюлями окна, обернулась. Олег подался вперёд и, забыв о собеседнике, уставился на Катю. Та близоруко сощурилась, откинула со лба чёлку и глянула на толстяка:

– Чего, Ярик?

– Тут с другого этажа челик пришёл, помоги с плитой разобраться. У тебя же есть пьеза?

Катя вздохнула, вытерла ладони о штаны и кивнула Олегу.

– Давай. Что там тебе ставить надо?

– Ка... картошку пожарить.

– Нарезал уже?

Олег вытащил сковородку, тряхнул кульком, демонстрируя: мол, нет, не нарезал; тонкий полиэтилен порвался, и грязные картофелины раскатились по липкому полу.

Он бросился подбирать.

– Нарезал... – донеслось сверху. Катя снова вздохнула, забрала у него сковородку и водрузила на плиту. – Чистить-то умеешь?

Олег дёрнулся, но девушка спрашивала вроде бы без издёвки, хотя и смотрела на него без всякого интереса. Вблизи она выглядела уставшей, бледной и почти что тощей в огромных штанах и длинной кофте. Но красота и из-под хламиды просвечивает, говаривал отец, и Олег в кои-то веки был с ним согласен.

Собрав картошку, он поднялся и ещё раз искоса посмотрел на Катю. В резком кухонном свете она казалась рыжеватой; большие тёмные глаза цветом походили на ореховый пряник.

Катя в третий раз вздохнула и велела:

– Почистишь – скажешь.

Вернулась к подоконнику и загремела там чем-то.

Олег осмотрел свои руки, испачканные в земле, покосился на большую зелёную кастрюлю в углу и опомнился, что ножа-то и нет.

– А... Катя... Извини, можно нож?

Катя без удивления, не оборачиваясь, кивнула на стол, где среди пачек яиц, обёрток и тарелок блестел узкий синий нож. Олег взял ножик, ухватил картошину и вонзил лезвие в брызнувшую соком мякоть.

– Забавно. Это где тебя так учили картошку чистить?

От неожиданности рука дрогнула, лезвие соскользнуло и прыгнуло на палец; к счастью, неглубоко.

– Ты можешь мне помочь? – выпалил он, думая, что день вместил в себя уже слишком много: натянулся до самого предела, вот-вот лопнет.

Катя поморщилась, и ему в голову пришло, что просто так она время на него тратить не будет.

– Давай в обмен. Я могу тебе часть картошки отдать...

Он имел в виду сырую, но Катя, видимо, подумала про готовую, фыркнула, отобрала нож, быстро вычистила три картофелины и кинула в раковину. Они ударились о жёсть с грохотом и вселенским звоном на всю кухню. Катя и ухом не повела. Сунула нож обратно Олегу:

– Мой, режь, доска на столе. Всё, у меня тесто подошло.

И опять загремела у окна, размешивая что-то в огромной чашке. Пока Олег неловко кромсал картошку, Катя поставила на плиту тонкую сковородку, и вскоре на кухне одуряюще запахло горячими, поджаристыми блинами. Олег чуть язык не проглотил, да и не он один: народ то и дело оборачивался к плите, заглядывали даже из коридора.

Стопка блинов быстро росла, а вот дела с картохой шли плохо: Олег еле-еле дорезал первую, порезался на второй, а на третью плюнул: сунул в кулёк к нечищенной.

– Готово? – окликнула Катя.

– Да.

– Клади в сковородку.

Он сбросил картошку в сковородку и застыл, не зная, что дальше.

– Да что с тобой? Масло-то кто наливать будет? Лопатка есть?

Олег уже десять раз пожалел, что дома не сгрёб всю посуду в мешок и не взял с собой. Дома. Дома... Он резко утёр кулаком глаза и буркнул:

– Нет.

Катя помолчала. Глянула удивлённо.

– Ты откуда такой? – И сама налила на поверхность картошки масло. – Мешай теперь лопаткой вот этой. Посоли. И следи, чтобы не подгорело. На газе быстро.

Уткнувшись взглядом в пол, Олег механически елозил лопаткой по сковороде. Катя, картошка, голод отошли на второй план. Опять показалось, что, если рвануть прямо сейчас – успеет, вернётся.

Терпеть не было сил; он подхватил сковородку, рывком, до скрипа повернул переключатель и погасил газ.

– Не дожарилось же ещё! – воскликнула Катя.

– Ничего... Спасибо...

Держа сковородку на вытянутой руке, забыв на общем столе остатки картошки, он выбрался в коридор и пошёл к своей комнате.

– Всё в порядке? – окликнули из кухни, кажется, Катя, а может, кто-то другой.

Олег мотнул головой и ускорил шаг. Навалившись на дверь, почти упал внутрь комнаты. Сковородка накренилась, половина кривых, недожаренных долек просыпалась на пол. От запаха масла кружилась голова. Олег сунул сковородку в пустой шкаф, захлопнул дверцу, нараспашку открыл окно и встал, вцепившись в подоконник. Где-то на горизонте сверкали те самые высотки, на которые он ещё утром смотрел из своей родной квартиры. Правда, вид отсюда открывался совсем иной.

– Дауншифтинг, – пробормотал Олег, чувствуя, как горячо и щекотно становится за пере-
носицей. Огоньки за решёткой поплыли вбок, и он понял, что кружится голова. Держась за
мебель, добрался до кровати. Сел. Лёг. Закрыв глаза и провалился в темноту – плотную, вяз-
кую, неизмеримо глубокую. Падал и падал, никак не достигал дна, устал лететь. На уши давило,
белые всполохи под веками вертелись волчком, тьма сгущалась, а падение длилось и длилось.
Когда оно кончилось, Олег открыл глаза и понял, что наступило утро.

* * *

В школу не надо. Квартира пристроена. В банк – нужно, но не горит. В институт – то же
самое, да и что там делать? Устраиваться надо летом, во время приёмной кампании. Можно,
конечно, сходить, посмотреть, разведать – может быть, Наталья права, не стоит искать лучшего
от хорошего, сюда же и поступать. Но Олег даже представления не имел, на кого учат в этом
инженерном. Да и к математике с физикой никогда не тяготел.

– Ладно. Посмотрим...

В любом случае, на дворе стоял февраль, и думать о поступлении было не то чтобы слиш-
ком рано... но и не впритык. Дело терпит.

Мамины счета тоже терпят; после того, как арендаторы дали залог и за душой появилась
наличка, стало спокойней. За ночь навалилась тупая тоска, приглушившая и звуки, и краски.
Что-то хорошее всё-таки было во вчерашнем дне – теплилось такое чувство; но что именно –
Олег вспомнить не мог, будто перед глазами задёрнули занавеску.

Проснувшись, он долго пялился в сетку верхней кровати и просвечивавший меж прутьев
матрас. Перебирал варианты, пытаясь отыскать себе дело. Но причины встать прямо сейчас,
сей же миг, не находил.

Снаружи клубились тучи. Кто-то сновал по коридору, но шумели несильно.

– Спать. Спать.

Но больше не спалось; ёжась, Олег натянул одеяло до носа, но холод пробирал до костей.
Сел, дотянулся до куртки, накинул на себя, лёг снова. От куртки почему-то пахло дымом, и
манжеты были противно-влажные. Где он вчера был? Что делал?.. С кем?..

Вспомнилось про картошку. Тут же набежала слюна. Он ведь так и не поел накануне. Где
был? Что делал? Тут же пришла на ум Катя, с уставлыми глазами и рыжими косами. Как он с ней
познакомился, где видел, при чём тут картошка? Но сковородку из шкафа Олег всё-таки выта-
щил, водрузил на стол, спохватился: есть-то нечем. Наломал руками купленный вчера хлеб.
Управляясь двумя горбушками как китайскими палочками, принялся за холодную, несолёную,
полусырую и кое-как нарезанную картошку.

– Слезамі посоли.

Он бы испугался, если бы голос был мамин или отцов. Но произнёс это голос совершенно
незнакомый, механический, звонкий. Олег даже не повернулся; тысячу раз читал о том, что
при сильных стрессах возможны галлюцинации. Спасибо, не зрительные.

– Будет, будет.

Голос был скорее девичий, но уж слишком звонкий, почти детский. Олег всё-таки обер-
нулся. Разумеется, никого не было. Пыльная, необжитая комната. Молочная пустота за окном.

Никаких гостей; никаких голосов. Десятый час. Как же медленно идёт время, когда ничего не ждёшь, да и ждать нечего.

Олег промаялся до двенадцати, то зарываясь в одеяло, то без толку бродя по комнате от окна к дверям. В первом часу не выдержал, оделся, запихал поглубже под кровать сумку с отцовым письмом насчёт кукол, сунул в паспорт несколько купюр и отправился в институт – комендант сказала, что на территорию с общажным пропуском пустят без проблем.

Да уж. Хороша безопасность этого инженерного института. Тем не менее, побывать там наверняка будет интересно. Мама всё капала на мозги, что надо ходить на дни открытых дверей, смотреть вузы, думать, куда хочется поступить. Вот и случай представился.

Олег встряхнулся, закинул на плечо рюкзак и вышел. Коридоры снова пустовали. Быстрым шагом преодолев заваленный бумажками и фантиками холл, он попал на лестницу, спустился на первый этаж и выбрался на крыльцо.

– Морозно, – хмыкнул кто-то.

Олег опять заподозрил бесплотный голос, но на лавке у крыльца сидел вполне реальный человек из плоти и крови: в джинсах, в чёрной толстовке с закатанными рукавами и с сигаретой в руках.

– Будет, будет, – растерянно ответил Олег, словно это был какой-то пароль. Поглядел на сигарету. – Наверное, греет?

– А то. – Незнакомец задрал голову, выдохнул дым в рыжевато-серое небо. – Заодно мозги прочищает. Ладненько, потопаю.

Спрыгнул со спинки скамейки и, перемахнув через перила, оказался на крыльце.

– Эй! Эй, погоди! Слушай, как до института дойти?

– Вон сюда между домами, – махнул парень. – Там вдоль шоссе налево до развязки и потом вперёд, сразу увидишь главный корпус.

Надо же. И не подумал удивиться, что Олег не в курсе, как попасть в институт.

– Спасибо...

Глава 6. Институт

Шоссе, вдоль которого стояли институтские корпуса, выглядело настолько унылым, что хотелось развернуться и броситься вон. Густой туман скрывал всё по ту сторону дороги; не факт, что я вернусь в общагу, не заблудившись.

А знаете... Не так уж сильно и хотелось. Я подумал о «своей» комнате, плюнул под ноги и пошёл вперёд.

Оранжевые корпуса вздымались всё выше, пугая, подавляя. Территорию окружала высокая, метра в два, стена. Где-то между зданий мелькали бледные огни. Что за секретное производство такое?..

Снег под ногами чавкал так громко, что закладывало уши. Ботинки опять промокли. Мама ещё осенью звала меня в магазин, но всё были какие-то более важные дела... Вот и остался в дырявых.

С каким-то отчуждением я подумал, что хорошо бы заболеть; в болезни время пройдёт быстрее.

– До чего – быстрее?

Последние дни я брёл, как в вязком, по щиколотку, болоте – от кочки к кочке. От звонка отцу до звонка Натальи. От встречи с ней до разговора об арендаторах. От утра с той странной семейкой до слов комендантши. От стен комнаты до толстяка и Кати. От пустой ночи до кирпичных оранжевых ворот проходной. И опять я чего-то ждал. Что-то маячило впереди. Что-то там было впереди. А я не знал.

Столько дверей... Пропуск у меня был не электронный, обычная бумажка. Наверно, надо кому-то показывать.

Но и показывать никому не пришлось: я дёрнул первую попавшуюся створку, миновал тёмный и низкий коридор и вынырнул на другом конце узкого здания проходной. Вышел – и, словно Алиса, провалился в кроличью нору. Тут была та же зима, те же коричневые, усыпанные песком дорожки и кривые чёрные стволы. Но... веселей, что ли. Белей. Чище. И немножко сказочней. Перед входом росли разлапистые ёлки – вкрапления изумрудов, на которых отдышал глаз. Яркие стены, красные лавки, цветные стёкла прямо над входом... Будто на праздник попал.

– Тёма! – навалились сзади, заорали в ухо, с налёту шлёпнули по спине так, что я чуть не полетел носом в снег. – Тёмыч! Договорились же у столовки встретиться. Ещё лабу доделать, ты чего копаешься? Ой... Прости. Простите... Я за другого принял...

– Да ничё.

Позади меня стоял мелкий парень в шапке набекрень и расстёгнутой куртке. В руках он держал рулон бумаги – видимо, чертёж, – и переступал с ноги на ногу.

– Всё в порядке? Точно?

– Да, да.

– Прости ещё раз. Обознался. Тёма придурок...

Парень поскакал прочь, а я решил проделать тот же фокус, что и у крыльца общаги.

– Эй! Слушай! А как... ну, расписание посмотреть?

Вот дурак. Снова не придумал никакой легенды, почему я ничего не знаю. А этот парень оказался не так прост, как тот чувак у общаги: у него от удивления брови полезли под чёлку.

– Я из другого института перевёлся, – наскоро оправдался я.

– А-а... – Парень затряс головой. – Скачай приложение. Там есть и расписание, и преподы. А бумажное напротив столовки висит. Я в столовую сейчас, хочешь, пошли вместе.

– Спасибо...

– Андрей.

Он протянул руку. Я с некоторой паузой подал свою. Ладонь у Андрея оказалась мягкой, влажной.

– Артё... Тьфу ты! Олег!

– А из какого института?

– Питерский политех, – без заминки назвал я. Политех был единственным техническим вузом, который я знал.

– Круто! У меня там брат учился. А чего перешёл? Переехали?..

– Да. Можно и так сказать, – буркнул я, уже жалея, что пошёл с этим Андреем. Брат у него там учился... Ещё выведет на чистую воду. Не собираюсь я всем встречным-поперечным рассказывать про свои дела.

– У нас тоже круто, – обнадёжил Андрей. – Декан норм. Ректор тоже нормальный. На сайте недавно поставили кнопку «Вопрос ректору», и, прикинь, он даже отвечает! Я на радио работал, и однажды не запись пустили, а прямой эфир. Ну и... лягнули там кое-что, не подумав. Думали, всё, всех отчислят. А ты прикинь, ограничилось тем, что нам замректора велела: впредь чтоб слова «ректор» и «попа» в одном предложении не стояли! И всё! Мы сидим в радиорубке ни живы ни мертвы. Она ушла. День проходит, два, три... Ничего. Сессия прошла, никого не завалили. Потому что ректор – нормальный мужик!

– А декан – это кто такой? – только чтобы прервать болтовню, без всякого интереса спросил я.

Андрей остановился. Настороженно спросил:

– В политехе разве деканов нет?

– Есть. Просто...

– Просто ты не из института, да?

– Ну... Я только на подготовительные курсы ходил, – вывернулся я. – Так декан-то кто такой?

Андрей пожал плечами. Глянул косо, но ответил:

– Глава факультета.

– А какие у вас есть факультеты?

– Теоретическая физика, экспериментальная физика, кибернетика. Что-то там ещё про информационные технологии.

– И как? По ЕГЭ берут?

– По ЕГЭ и по олимпиадам. Ну, вон столовая. – Андрей указал на длинное одноэтажное здание с такими же, как при входе, цветными окнами. – Там напротив дверей расписание всех факультетов. А деканаты все в главном корпусе.

Он уставился выжидающе. Я кивнул:

– Спасибо. Разберусь.

И Андрей исчез. А я ни фиги не разобрался – ни в деканатах, ни в чёрно-белом плакате на всю стену, разграфлённом, полном сокращений и диких названий; не было даже толком написано, чему учат на каждом из факультетов. Я решил, что позже посмотрю отзывы в интернете или просто выловлю кого-нибудь у проходной и спрошу под видом абитуриента. А пока пойду в столовую. Со вчерашнего утра, кроме этой картошки несчастной, крошки во рту не было.

В столовой было малоллюдно и пахло невкусно: мокрыми тряпками, чем-то солёным. К горлу уже привычно подкатила тошнота, но аппетит это не перебило. Я шагнул за перегородку к линии раздачи и быстро осмотрел предложенные блюда. Увидел запеканку со сгущёнкой. Побежал к кассе:

– Запеканку с чаем будьте добры.

– Пятьдесят три.

Положил на блюдечко с голубой каёмкой пятьдесят рублей бумажкой и ещё три металлических по рублю. И встал в ожидании, пока мне дадут тарелку. Кассирша меж тем не торопилась, считала у себя в ящичке деньги, на меня не смотрела.

– А... Запеканку-то?..

Она посмотрела на меня, как на идиота:

– Сам возьми!

– С прилавка прямо?..

– А откуда ещё?

Я пожал плечами, скрывая смущение, отошёл от кассирши подальше и потянул к себе ближайшую тарелку с запеканкой, на которой щедрой лужицей желтела сгущёнка. Взял с верхней полки стакан чаю. Балансируя, отошёл от линии раздачи, приглядел себе в углу пустой стол и уселся там. Сообразил, что опять без вилки. Пришлось вернуться к лотку у кассы, где лежали столовые приборы. Кассирша мазнула по мне взглядом, но без всякого узнавания. Я поскорей отошёл к своему столу. Воткнул вилку в запеканку, и есть резко расхотелось. Пелена перед глазами, разошедшаяся было, снова сошлась; на хребет, пригибая к блестящему синему столу, рухнула тяжесть. Резко заболела голова. Перед глазами замелькали студенты, задвигались, затрещало, в уши полезли голоса и звон.

Я откусил запеканку, и она показалась несолёной. Я посолил из белого стаканчика и просыпал. Заныли вчерашние ранки от картошки – будто обожгло. Я помотал головой. Ворот душил, не хватало воздуха. Всё вокруг завертелось, смешалось в карусель. В левое ухо всё бил, ввинчиваясь, механический голосок... Что я здесь делаю? Почему я тут? Как всё это произошло, что случилось? Мам! Мама!..

Вспомнилась школа. Что? К чему школа? А к тому, что без ЕГЭ ведь не поступишь. Денег на платное у меня хватит, только если продать отцовых кукол. Но Наталья же сказала: подожди. Она, походу, в теме: отец, видать, рассказывал. Ладно, ладно... Что-то надо делать со школой. С деньгами. С куклами. Со всем этим...

В поле зрения ворвалась чья-то рука, на стол опустилась пёстрая афиша. Звонкий бесполоый голос позвал:

– Приглашаем на поэтический вечер!

Я вскинул голову, но тот, кто положил афишку, уже болтал с ребятами у соседнего стола. Я так и не понял, пацан это был или девушка: некто коротковолосый, в снежно-белой безразмерной толстовке.

Такая же ослепительно-белая афиша резала глаз. Я смял её. Потом разглядел.

Клуб поэзии. Надо же... Тут и клуб поэзии, и радио. Хорошая самодеятельность. Когда там у них этот поэтический вечер? Сегодня? Надо же. Через полчаса, в главной библиотеке. Оперативно реклама работает, однако...

Пойти, что ли. Всё равно делать нечего.

Голова всё ещё кружилась. Я поднялся, через силу отнёс тарелку с запеканкой на ленту с грязной посудой и побрёл к выходу. Силы как будто выжали; я чувствовал себя шариком, из которого сцедили воздух. Чпок-чпок – шарик вылетел из столовой. Чпок – забыв шапку, оказался на улице. Чпок – побрёл в сторону главного корпуса, за которым, судя по афише, располагалась библиотека, где и собирался поэтический клуб.

Что я там забыл? Какая такая поэзия?

Что угодно, лишь бы забить тоску.

* * *

Пока я отыскивал вход в библиотеку (какая-то пристройка на задах здания, спереди и с боков – одни окна, дверей нет), пока сдал вещи в гардероб, пока нашёл абонемент художественной литературы – полчаса уже и прошло.

В афише было указано: «пом. двести восемь». «Пом.» – это что? Помойка? Помывочная? Оказалось – помещение: крохотный закуток в компьютерном зале, отгороженный от читальни стеллажами с советской энциклопедией.

Здесь вообще всё было как-то по-старинному: ковёр, столы, шторы с узорами, сухие цветы в вазе. Сначала я думал, что заблудился, явился не туда. Подошёл к кафедре, за которой сидела молоденькая очкастая библиотекарша, но только открыл рот, как услышал из-за угла:

– Ну, дорогие друзья, дорогие гости, начинаем ежегодный поэтический вечер! Поблагодарим гостеприимный художественный абонемент, принимающий наш клуб уже который год... Обычно мы собираемся намного скромнее, постоянные члены клуба подтвердят. Но на традиционный Призрачный Февромарт всегда устраиваемся здесь, вот уже девятнадцать лет, с тех самых пор, как клуб только появился, и нам готовы были дать только это помещение. На будущий год будет юбилей, и, может быть, мы договоримся с ректором, сможем провести вечер в актовом зале. Пока заглядывать наперёд не будем и начнём наш с вами вечер стихов.

Голос был старческий, негромкий, но такой... глубокий. Мерный. Я заслушался. Вздрогнул, когда библиотекарша окликнула:

– Вам что, молодой человек?

– Вечер поэзии – это там, да?..

– Да, да. Идите. Они только начали. Сядьте там с краешку...

Девушка махнула за стеллажи, я обогнул длинный низкий шкаф и вынырнул из полумрака библиотеки к освещённому островку столов, сдвинутых среди компьютерного зала. Компьютерным его можно было назвать с большой натяжкой: штук пять пожелтевших мониторов с выпуклыми экранами, пучки проводов, аккуратно схваченные синей проволокой, старинные коврики для проводных мышек... Немудрено, что за этими мамонтами никто не работал. Зато за столом народу было полно: больше девушек, но парни тоже сидели. Все они смотрели на пожилую женщину с высокой седой причёской – она-то и говорила так понравившимся мне мелодичным, глухим голосом.

Стараясь не привлекать внимания, я сел за крайний стол, слегка отодвинул монитор, чтобы лучше видеть происходящее, и устроился поудобней, когда пожилая председательница, пересказывавшая историю клуба, закончила и заявила:

– А теперь хватит болтать, друзья мои дорогие. Будем читать стихи! Я – как мешок, доверху набитый стихами. На любую тему найдётся стихотворение. Вот и мы с вами сегодня будем читать на любые темы. Начнём, конечно, с собственных. Напоминаю, что в конце мы выберем победителей в состязании авторов и чтецов. Если что-то читаете – участвуете в конкурсе по умолчанию. Если не хотите участвовать, объявляйте это перед чтением. Ну... Кто желает первым?

Я усмехнулся про себя. Какой идиот вызовется первым? Кому вообще не стрёмно свои стихи читать вслух? Состязание ещё устроили... Но, к моему огромному удивлению, круг закопошился. Студенты запереглядывались. Интересно, они все настоящие студенты, или есть как я, бродяжки залётные? Надо же, стихи ещё сочиняют. Шепчутся, подталкивают друг дружку, а первый-то так и не вызывается.

– Друзья?.. – подбодрила председательница.

Ну-ну, жди, как же, вызовется кто-то. Как бы...

– Катенька? Конечно, давай. Что ты нам прочитаешь?

Катя – та самая, вчерашняя Катя! – сидела ко мне ближе всех, но спиной – потому-то я её не узнал. Лихорадочно, стараясь успеть, пока она не начнёт читать, я перебежал за стол напротив, чтобы видеть её лицо. Кажется, Катя краем глаза заметила движение – покосилась, нахмурилась, но вернулась к разложенным на столе бумажкам.

– Катюша?..

Народ почтительно примолк. Я тоже замер. Кто-то шепнул:

– Про рыб прочитай!

Про рыб? Тут, выходит, и поклонники есть, знатоки творчества?..

– Эдда Оттовна, я про театр кукол. Неконкурсное.

Я вздрогнул. Закружилась голова, дёрнулась тень от настольной лампы. Все звуки остановились; стих шорох страниц, и выключили голоса.

– Я не пойду в театр кукол.

Там что-то... что-то неживое.

Там брошен тюль на чёрный угол,

Там пляшут тени под рукою.

Там алебастровые люстры,

Там фееричные сонаты.

Там танцы, окрики и бюсты,

Там где-то вход в чертоги ада.

Катя читала, седая Эдда Оттовна мерно покачивала головой, а у меня с каждой строчкой переворачивалось что-то внутри. Перед глазами поднималось знакомое закулисье. Оживал отец. Оживали в его руках пыльные куклы.

Щелчок, и судорожно леска

Взлетит, а следом вспрыгнет локоть,

И куклы встанут в арабески,

И куклы живы, кривы, ловки.

Стены библиотеки расступились, столы и люди отошли в тень. Их заменили картины из такого глубокого детства, что до этой секунды я не был уверен, что помню их. Я ощутил свою руку сжатой в огромной ладони отца. Запахло воском, клеем, папье-маше, нагретой на софитах пылью. Я снова был там, с батей, в том театре марионеток, где он нашёл Кабалета.

Покажут нити: мы ведомы.

Нить отзовётся резким смехом.

Завалит окна пудрой снега.

Я не пойду. Там тьма в том доме.

Катя замолчала. Прежде, чем раздались первые хлопки, я бросился вон, выскочил из библиотеки и, задыхаясь, побежал к проходной. До закрытия банка, из сейфа которого отец умолял забрать кукол, оставалось полтора часа. Я успею.

Глава 7. Банк

Олег бежал, как не бегал кросс перед сборами в десятом. Задыхаясь, оскальзываясь, яростно дыша ртом. В голове, подгоняя, звучал Катин голос: покажут нити: мы ведомы. Нить отзовется резким смехом... Ему тоже хотелось смеяться; может быть, сказывались недели напряжения и тоски.

Когда-то покидают нас любые печали. Олег знал: печаль об утраченной жизни не рассеется ещё долго. Но, подвластная услышанному стихотворению, она словно сдала одну из позиций, временно отступила. Он чувствовал: тоска вернется. Но пока есть передышка, несколько часов, может быть, дней покоя. Кто-то взмахнул рукой, и его временно отпустило. Щелчок, и судорожно леска взлетит, а следом вспрыгнет локоть... Кто-то и его дёрнул за ниточку: накипь на душе разошлась, а тело послушно шевелилось, бежало, впитывая новую жизнь...

Кое-где на улицах ещё остались новогодние украшения; Олег летел мимо обмотанных гирляндами деревьев, мимо залепленных бумажными снежинками витрин, мимо цветных флажков на столбах. В ушах грохотала кровь, а слова стихотворения, на удивление запомнившиеся с одного раза, ложились на звуки вечерних улиц: сигналы машин, свист ветра, пиликающие светофоров на перекрестках, шум тысяч шагов...

Подходя к банку, Олег испытал мимолётное сожаление: возможно, имело смысл дожидаться Катю с поэтического вечера, завести более близкое знакомство. Но... Он ещё успеет; в конце концов, кто мешает подойти к ней в общаге? В следующий раз он не станет вести себя как болван. В крайнем случае, разыщет того толстяка из комнаты напротив кухни и попросит нормально познакомить его с Катей.

Отряхивая на крыльце ботинки, Олег даже слегка стыдился, что вот так, из-за каких-то строчек и горящих Катиных глаз, позабыл о маме, об отце.

– Но ведь не забыл же совсем.

Охранник подозрительно обернулся, и Олег закончил, уже про себя: не забыл же. Вот, иду за твоими куклами, батя.

К счастью, паспорт был с собой: мама заставляла всегда носить его в рюкзаке, на всякий случай, – вот и настал случай. А кроме паспорта не понадобилось никаких документов. Олег даже удивился. Вспомнился эпизод из «Кода да Винчи»² – как из сейфа забирали ценный криптекс³. Там нужен был какой-то код...

Впрочем, как оказалось, и тут тоже. Только объявили об этом уже в самый последний момент, когда сотрудница банка в синем галстуке провела его в тесную комнатку в полуподвале.

– Набирайте.

– Что?.. – воззрился на неё Олег, всё ещё дышавший, как гончая после охоты.

– А, да... Простите, Олег Петрович, у вас же не цифровой код. Одну минуту.

Девушка исчезла, оставив его среди решёток и белых стен. По натянутым нервам стега-нуло страхом: сейчас стены сдвинутся, потолок пойдёт вниз... Олег мотнул головой, отгоняя нелепые мысли. Что там она сказала? Не цифровой код? Если не цифровой, то какой?

– Назовите кодовое слово, пожалуйста, – снова появляясь в дверях, попросила девушка.

Олег нахмурился. В письме отца о кодовом слове не было ни намёка.

– Оно точно есть? – глупо спросил он.

– Разумеется, – с лёгким удивлением учтиво ответила девушка.

² «Код да Винчи» – роман американского писателя Дэна Брауна.

³ Криптекс – неологизм, придуманный Дэном Брауном. Обозначает переносное хранилище, используемое для сокрытия секретных сообщений.

Если отец не дал подсказки, значит, это что-то очень, очень очевидное. Куклы? Слишком просто. Хотя, может быть, как раз оно.

– Сколько у меня попыток?

– Две.

– Куклы.

– Неверное кодовое слово.

Олег закусил губу. Не хватало ещё так глупо проморгать отцово наследство.

– Минутку, – попросил он, приваливаясь к стене. Сердце грохотало, ноги гудели после бега. Мысли путались. Что такого мог загадать отец? Их фамилию? Мамино имя? Слишком просто. Крыловых пруд пруди, и Ангелин тоже. Что тогда? Что-то, что легко придёт в голову, что обязательно связано с куклами – в этом Олег не сомневался, у бати все пароли были связаны с театром, – что-то, что он знает так же хорошо, как отец... Что-то самое частое... О чём отец говорил больше всего? Кукольный театр – это понятно. Но слишком обще. Нужно что-то уже...

Девушка деликатно кашлянула.

Ну что, что? Что они оба знали? О чём отец говорил чаще всего? Куклы. Театр. Головы, руки, механизмы, корпуса, кукольная анимация... Открывающиеся рты, хлопающие веки, блёстки на глазах... Ну что ещё? Лески, локти, арабески? Опять эти стихи прыгают в голове, заклинило, как карусель, как лопасти вечного ветряка в кабинете физики...

– Мельница. Мельница, – проговорил Олег, задыхаясь, проделав в мыслях маршрут куда более стремительный, чем совсем недавно пробежал наяву.

– Всё верно, – кивнула девушка и загремела связкой ключей на сером шнурке, похожем на сантехнический лён. Прошла, наверное, целая минута, прежде чем решётка распахнулась и перед Олегом предстала крохотная дверка сейфа – ещё меньше, чем шкафчик в школьной раздевалке.

Волнение исчезло. Хладнокровно проворачивая ручку сейфа, Олег удивлялся, как это кодовое слово не пришло в голову сразу. Мельница. Этой пьесой, «Серой мельницей», отец проел плешь и ему, и маме. Куклы, которых он с таким упоением и ослиным упрямством собирал так долго, – это ведь персонажи именно «Серой мельницы». Как же просто...

Дверь отошла, внутри сейфа вспыхнула яркая лампа, и Олег сразу разглядел знакомый ребристый чемодан – в похожем у матери хранились нитки и швейные побрякушки. Но этот чемодан напоминал обыкновенный только снаружи: внутри он был разделён на гнёзда, устланные ватой и бархатной бумагой. В каждом гнёздышке лежала кукла; три были заполнены, четыре пустовали, – по крайней мере, так Олег помнил.

Он протянул руки к чемодану.

Пальцы дрогнули. Полыхнуло, ослепило до плотной белизны перед глазами: я хочу его взять. Быстрее! Могут украсть, забрать, сказать, что не верно кодовое слово, что нет права, не хватает каких-то документов... Нет! Я возьму его! Сейчас!

Девушка отшатнулась. Он сквозь вату услышал, но не понял:

– Вам нехорошо?

Не обращая внимания, потянулся, вдохнул спёртый воздух, хлынувший из ячейки, и наконец ощутил кончиками пальцев, ладонями, щекой тёплый, ребристый, такой знакомый бок чемодана. Руки ощутили тяжесть – и сердце перестало выпрыгивать из груди. Гул затих. Олег глубоко, судорожно вдохнул, выдохнул и обернулся к сотруднице банка:

– Я хочу забрать чемодан. Сейчас.

– Да, конечно, – с некоторой тревогой в голосе ответила девушка. – Будете проверять содержимое?

Окатил страх: что, если там не то? Вдруг это мамин чемодан с шитьём? Вдруг обокрали, забрали, успели вперёд него?! Пальцы потеряли чувствительность, подцепить застёжку уда-

лось только с третьего раза. Зажмурившись, Олег откинул крышку. Несколько раз сглотнул, открыл глаза и прямо-таки почувствовал, как облегчение придавило его к земле. Вцепился в край стола, на который, даже не заметив этого, опустил чемодан. Быстро, тщательно осмотрел кукол. Надо же... Он и не думал, что помнит их так подробно. Незабвенные третьи глаза и медные кольца в бородах Онджея и Орешеты, начищенная сверкающая пряжка на пузе толстяка Кабалета и...

Четыре гнезда были заполнены. Три пустовали. В среднем, в котором всегда просвечивал красный бархат, лежала она – та, на которую отец променял маму.

Нет, не Наталья, конечно. Изольда.

«Вот, знаешь, говорят – страшная красота. Неземная. Это про неё», – вспомнились слова отцовской любовницы.

У Олега в голове всплыло – космическая. Если бы его попросили описать Изольду точнее, он бы не смог – даже в куда более спокойном состоянии, нежели теперь. Космическая – с молочно-белыми в лучах стерильных банковских ламп волосами, с белой до прозрачной голубизны кожей, с жемчужно-розовыми, но тоже почти белыми губами. Тёмные, опушённые густыми ресницами глаза. Хрупкие запястья. Тонкая шея, отливающее голубым и розовым воздушное платье...

Кукла смотрела совершенно живыми глазами. Из чего там они были сделаны? Стекло, акрил, краски – бесчисленные лекции отца не прошли даром. Олег вгляделся в Изольду, поймал её взгляд – она была как человек, ей можно было смотреть в глаза, и она отвечала своим взглядом. Нет, тут, конечно, не просто стекляшки... Немецкое выдувное стекло ручной работы – как минимум. Волосы... Олег ногтем коснулся светлых, слегка выющихся прядей. Определённо, натуральные. Никакой канекалон⁴ не даст такого матового блеска, такого естественного завитка.

Он поймал себя на том, что голос в голове, выстраивающий все эти фразы, оценивающий куклу, определённо принадлежит отцу. Кажется, впервые в жизни это не навеяло скуку, не взбесило. Это казалось не просто интересным; это казалось пронзительно-жизненным, невероятно важным в эту минуту.

Не удержавшись, Олег, провёл подушечкой пальца по белой руке куклы. Тёплая и бархатная, словно живая. Не полиуретан, не ткань, не пластик – тьфу-тьфу эти полуфабрикатные материалы! Возможно, мягкий лайка; это он выяснит позже, да и надо ли...

– Олег Петрович? Всё хорошо?..

– Всё в порядке, – не узнавая своего голоса, ответил он. – Я забираю их сейчас же.

Уже на ступенях банка ветер прогнал кукольный хмель. Дурман слетел с глаз; Олег, словно и не было последних сорока минут, с удивлением поглядел на чемодан в руках. Вдруг вспомнил, чего этот чемодан стоил матери.

Порыв – швырнуть его, разбить кукол вдребезги – был мощным, но миновал мгновенно.

Разрываясь между нежностью и ненавистью, неся кукол, как самый драгоценный и опасный груз, Олег пошёл в общагу. О том, чтобы перенести их в другой сейф, спрятать, расстаться с ними – не было речи.

Он спрашивал себя, что толкнуло его на этот внезапный бег – банк, сейф, чемодан. Неужели всего лишь стихотворение? Всего лишь память?

Неужели отцовское сумасшествие пустило корни и в нём?..

А ещё – как же так вышло, что за всеми этими событиями, за всеми хлопотами он забыл не то что о собственном дне рождения – он забыл, не вспомнил, даже не узнал, как, когда, где похоронили отца?..

⁴ Канекалон – ненатуральное волокно, очень похожее на настоящие волосы.

Глава 8. Общага

Чемодан оттягивал руки.

Добравшись до студгородка, я так вымотался, что и не подумал зайти в продуктовый. Но голода не было; внутри царила удивительная, воздушная пустота. Сегодня, как говорил батя, я питался эмоциями.

Я взобрался на крыльцо (на этот раз лавочка пустовала, и никто не курил), задрал голову, рассматривая окна. Кое-где, как и в городских домах, ещё сияли новогодние фонарики, кое-где сквозь цветные шторы просвечивали такие же цветные лампы: окна горели зелёным, синим, жёлтым, бордовым, оранжевым. Кое-где штор не было вообще. Я попробовал найти глазами свой закуток на втором этаже, но даже не смог сообразить, в какую сторону от крыльца смотреть: вправо или влево. Ладно, шут с ним...

Отдышавшись, я вошёл в холл. Охранника не было, и я беспрепятственно завернул к лестнице. По коридорам вяло прогуливались жильцы – бормотали что-то, шаркали, словно все разом чего-то обкурились; или это со мной творилось что-то не то. Однако при виде меня народ оживлялся, поднимал головы, пялился на чемодан. Я покрепче прижал его к груди и прибавил шаг.

Ввалился в комнату. Внутри было душно, неприятно пахло гарью и прогорклым маслом. Я вспомнил, что не доел и так и не выкинул картошку. Вспомнил – и тут же забыл. Осторожно положил чемодан на разворошённую кровать, не удержался и принялся открывать.

Щёлкнули застёжки. Бархатное нутро мягко светилось: в сиянии потолочных ламп этот бордовый, тёплый ореол казался уютным и ласковым. Напоминал плюшевое кресло в родительской комнате – под абажуром, рядом с книжным шкафом.

Я склонился над чемоданом, вдохнул сладковатый портновский запах пыли, ткани и мела. Быстро осмотрел кукол: как они перенесли дорогу? Вроде бы ничего. Широкие резинки-крепления, благодаря которым куклы держались в своих гнёздах, сработали на славу, только у Орешеты чуть сбилась борода. Кабалет так и сиял здоровьем и весельем; Онджей натужно улыбался толстыми, мясистыми губами – наверное, из фоамирана⁵: уж слишком скульптурные, с трещинками, со складками – совсем как человеческие...

Осмотр Изольды я нарочно оставил под конец – старался не глядеть на неё, пока оглядывал других кукол. Но, удостоверившись, что с остальными всё хорошо, наконец отдался её зову. А Изольда звала – как иначе можно назвать салатово-голубое, пульсирующее свечение её волос, взгляд из-под полуприкрытых ресниц, всю исходившую от неё белизну? Я улыбнулся и посмотрел на куклу.

– Неземная.

Мне показалось, на её щеках проступил румянец. Я усмехнулся и аккуратно закрыл чемодан. На миг захотелось взять куклу в руки; впрочем, не только Изольду, их всех: все эти крохотные оборки, пряжки и башмаки, выверенные лица, нарядные подробные одёжки, трепетавшие на сквозняке волосы... Но не грязными же пальцами, не пыльными ладонями, трогавшими невесть что в столовой, библиотеке, банке, было их касаться!

И да. Эта, космическая, Изольда не имела ничего общего с той, что я видел у отца раньше. Оригинал и подделка. Сверкающий бриллиант против стекляшки. Я уже не испытывал к этой кукле прежней ненависти; скорее, она казалась больным, но очень красивым зверьком – что-то внутри требовало помочь ему, укрыть и спрятать. Беря такого зверька в руки, ощущаешь брезгливость и нежность.

⁵ Фоамиран – декоративный пенистый материал, применяемый в различных видах рукоделия.

Я накинул на чемодан покрывало и метнулся в сторону кухни. Наверное, где-то должен быть душ, но разыскивать его не хотелось. Хотелось поскорее вымыть руки, лицо, смыть с себя эти улицы, эти стихи, эти кодовые слова. Впрочем, стихи – незачем. Стихи, наоборот, хороши...

Ополоснув лицо под краном жестяной кухонной мойки, я вернулся в комнату. Её неухоженность, пустота, бардачность резанули по глазам. Не скажу, что я сильный чистюля, но нашу квартиру мама всегда держала в порядке. А здесь... Необжитость накладывалась на устроенный мной хаос, и это казалось не просто неправильным – невозможным. Я представил себя на месте Изольды: притащили в какую-то дыру, в какой-то колодец за решёткой... Поморщился. Аккуратно переставил чемодан на стол, заправил кровать, вернул чемодан на место. Достал влажные салфетки и тщательно протёр пыль – подоконник, столешницу, спинку стула, тумбочку, ручки шкафа и двери. Салфеток ушла целая пачка, но стало ощутимо лучше.

Раскрыл окно, чтоб проветрить. Попытался сообразить, смогу ли вымыть пол. Смогу-то, конечно, смогу, но ни ведра, ни тряпки... Всё-таки нужно найти здесь какую-то каморку, хозяйственную подсобку. Кажется, вчера я видел уборщицу в синем халате – должна же она где-то хранить свои швабры.

Я запер дверь и отправился на поиски. По коридорам гулял весёлый матерок, из кухни несло подгоревшим мясом. Отметив, что мне по-прежнему не особо хочется есть, я обнаружил, что мужской душ расположился прямо напротив моей комнаты: узкое, влажное помещение, отделанное розовым кафелем. Пахло, к счастью, приемлемо. Я толкнул скромную боковую дверь – она не поддавалась, но трухляво всхлипнула. Я поддал сильнее, дверь распахнулась внутрь, и я оказался в той самой каморке, о какой мечтал: вёдра, швабры, веники и тряпки на любой вкус. Надеюсь, уборщица не рассердится, если я воспользуюсь казённым имуществом.

Я набрал в ведро горячей воды, плеснул жёлтой жидкости для мытья полов, взял тряпку, направился в свою комнату и сразу же ливанул на линолеум пенной жижи. Чуть погодя пожалел: начинать надо было с сухой уборки. Весь пол, а особенно углы, покрывал слой строительной пыли. Похоже, в комнате до меня и вправду никто не жил.

Тряпка оставляла на полу широкие разводы, пыль поднималась, оседая на волосах, лице, что противней – в носу. Но я не сдавался: вылизал тряпкой все углы, согнал пыль в центр – получилась мрачная пирамидка – и смахнул её в совок, а затем в ведро. Вылил, навёл чистой воды и помыл заново. Запыхался, взмок, испачкался (надо было хотя бы джинсы поменять на спортивные штаны), но был доволен. Разложил сумки по полкам шкафа, сходил помыть сковородку, сунул ведро и тряпку обратно в чулан.

Пока прибирал, не заметил в азарте работы, а теперь почувствовал: в комнате – просто холодина. Когда вошёл – влажный, вспотевший, с мокрыми волосами, – тут же бросился к окну и покрасневшими, непослушными пальцами повернул ручку. Отдуваясь, опустился на стул.

Руки тряслись, во всём теле ощущалась слабость, но в голове было пусто, а на душе – легко. Впрочем, не только в голове и на душе; в желудке тоже было легко и пусто. Не то чтобы я проголодался, но, по крайней мере, перекусить захотелось.

Я фыркнул, вспомнив про батин антипохмельный рецепт. Так часто бывало: он вваливался среди ночи, они с мамой ругались, мама уходила спать ко мне в комнату, а отец сидел на кухне до утра, курил, дожидался, пока мама спозаранку убежит в колледж, а потом принимался драить квартиру. Включал музыку, натягивал перчатки до локтя, начищал сантехнику, засовывал в стиралку все коврики, шторы, намывал полы. Потом сидел, довольный как слон, наблюдая своё отражение в сверкающем, ещё не просохшем ламинате. Говорил, после бессонных ночей и выпивки – самое то.

У меня ночь была сонная, и пить я вроде не пил, но тоже помогло. Как будто не комнату вымыл – себя. Кстати, себя бы тоже не помешало.

Я покопался в сумках, нашёл полотенце, штаны, футболку и отправился в душ. Выяснилось, что не хватает мыла. Что ж, прощай, моё земляничное мыльце, тебя, наверное, уже измылили арендаторы... Пришлось довольствоваться обмылком, оставленным кем-то на раскисшей картонке. Надеюсь, его хозяин тоже не будет на меня в обиде.

Когда я вернулся, в комнате по-прежнему было холодно. Я погасил одну из двух белых ламп – в сочетании с огоньками из окна стало чуть уютнее. Сел на кровать, подтянул к себе чемодан. Уж теперь я мог рассмотреть кукол не спеша; теперь было не стыдно.

Я открыл чемодан, и из-под крышки снова брызнул лёгкий голубоватый свет – неувловимый, нежный оттенок. Такой бывает в радуге, и ещё когда ныряешь с открытыми глазами. Если бы Изольда была русалкой, её родные воды были бы вот такого цвета.

Из чистого обязательства я мазнул взглядом по близнецам, Кабалету и наконец, затаив дыхание, отряхнул ладони и взял в руки Изольду. Какой же она была хрупкой... И совсем невесомой. Какой-то необычный материал, всё-таки, кажется, не лайка. Как и в банке, мне показалось, что кожа её – тёплая, совсем не пластмассово-нейтральная, как подобает куклам. Но только теперь Изольда стала ещё теплее; я обхватил замёрзшей рукой её голень и почти согрелся. Улыбнулся, глядя в опущенные, спрятанные под ресницами глаза. Она как будто рисовалась, эта кукла, будто играла в скромность: ну как можно молчать, потупив глаза, когда обладаешь такой красотой?

Я помогал головой, прогнав мысль, что думаю об Изольде, как о живой. Наверное, это от недостатка общения. Надо бы пойти поискать хотя бы того толстяка, выйти в кухню, порасспрашивать людей о факультетах. Да и Катю я хотел найти.

И хорошо бы сообразить поесть.

Изольда в моих руках благосклонно улыбнулась. Я расправил складки её пышного платья из фаты и шёлка, поправил локоны и вернул в бархатное гнездо, к собратьям по спектаклю. Закрыв чемодан. В комнате резко стемнело. Улыбнулся, сам не зная, чему, вышел, затворил дверь и запер на ключ – три оборота, замочный максимум.

* * *

В коридоре пахло сладко, едко и совершенно незнакомо. Ближе к кухне запах усиливался, но он точно не был ароматом еды. Я заглянул в кухню – свет выключен, мрачный силуэт курит в окошко, – повертел головой. Вчера толстяк метнул куриную шкурку из двери напротив – вероятно, там он и живёт. Ничего не случится, если я постучу?..

– Открыто, – донеслось из комнаты.

Я помялся на пороге, не решаясь войти так сразу, толкнул дверь... Меня встретил мрак, прореженный сиреневыми звёздами, и тот самый запах, что шёл с кухни, только ещё более густой.

– Заходи, заходи, – позвали из глубины. – С плитой-то вчера справился?

О. Надо же, помнит.

– Привет. Слушай, я хотел...

Чего я хотел, сказать не получилось: заиграла музыка. По комнате волнами разошлись протяжные, звонкие удары, словно медной лапкой шлёпали по панцирю черепахи. Медитативная, гипнотизирующая мелодия заливалась в уши, глаза привыкали к темноте. Секунду спустя, сквозь волны музыки и мрака, я различил у окна того самого толстяка – он полулежал на стуле и плавно, в такт мелодии, водил рукой. Другой рукой он держал у рта узкий шланг.

– Эм-м... Прости, что не вовремя...

– Нормально, – успокоил толстяк. – Садись. Ярослав.

– Я не Ярослав...

Хотел сказать: я не Ярослав, я Олег. Потом дошло: это он так представился; это он – Ярослав.

– Олег.

– Угостишься?

Я не понял, чем. Подошёл ближе. Толстяк протянул мне шланг:

– М-м?.. Хорош.

– Это... что?

– Кальян, – сытым, довольным голосом ответил Ярослав. – Ежевика на изабелле. Будешь?

Так вот чем так сладко воняло.

– Не, спасибо. Слушай, я хотел спросить – ты вчера девочку окликнул, Катю. Она тут живёт?

Ярослав кашлянул, покосился на меня.

– Ещё один влюблённый?

– При чём тут влюблённый? Просто забыл ей вчера нож отдать.

– Есть древняя восточная традиция: если один другому дарит холодное оружие, то как бы признаётся в чувствах.

– Чуть какая. Никогда не слышал, – чувствуя себя крайне неуютно в этой космической, с лиловыми всполохами и черепашим шлёпаньем комнате, буркнул я.

Ярослав (судя по всему, он был слегка не в себе) не обиделся. Вздохнул, сунул конец шланга в рот и замолчал. Я тоже молчал, не зная, что предпринять. Вроде как человек расслабляется, отдыхает, чего я полезу со своим. Вроде как меня пригласили: заходи. Угоститься предложили. Вроде как уже ясно, что у Кати кавалеров пруд пруди, и мне с этой толпой, со своей пустотой и сумятицей в голове, точно не тягаться. С другой стороны...

– Так где она всё-таки? – грубовато спросил я. – Она здесь живёт?

– Да кто её знает. – Ярослав выпустил изо рта дым, благодушно пожал плечами. – Когда здесь. А когда не здесь.

– В смысле? А учиться-то она хотя бы в этом институте?

– Да кто её знает, – повторил Ярослав. – Вроде да, в нашей группе... Но тоже то учится, а то не появляется неделями.

– И вы не спрашивали? Не узнавали ничего? – поразился я.

– А ты попробуй у ней узнай, – усмехнулся толстяк.

Под окном проехала машина, свет фар веером прокатился по потолку, и на миг мне показалось, что Ярослав похож на Кабалета. Я фыркнул: ещё чего не хватало! Разве что толщевой... Ярослав принял фыркание на свой счёт, кажется, даже слегка обиделся:

– Это она только с виду такая простая. А так...

Он поманил меня пальцем. Я почему-то нагнулся, подошёл на цыпочках, пробираясь сквозь клубы дыма. Ярослав обдал меня ежевичным кальянным духом и шепнул:

– Вот ты тоже откуда взялся? Не рассказываешь. Вот и она не хочет. Но вообще, говорят, она куда-то в киношный собиралась, да не поступила. То ли на артистку, то ли на оператора. Пошла сюда. Знаешь же, как про наш инстик говорят? Кому некуда идти, приходите все в КИТИ. Вот она и пришла. Вроде бы учиться, но вообще не парится, где-то там себе портфолио набирает, чтоб на будущий год снова поступать.

– На кого, говоришь, она хотела? – с тревогой спросил я. – На оператора?

– Ну, на оператора. Или на артистку. То ли на видеографа какого-то... В их-то вуз, в отличие от КИТИ, просто так не придёшь.

– Да уж.

– Угостись, – снова предложил Ярослав, обретая прежнее добродушное настроение. – Хорошие угли, хорошо успел раскалить. А то, бывает, только положишь на плитку, и сигнализация завоет или коменда прибежит.

– Так ты их на плитке греешь? – удивился я. – А... Пожара не будет?..

Ярослав махнул рукой и чуть не сбил стеклянную, булькающую и слабо светящуюся тушу кальяна.

– Ка-акой пожар! – лоя кальян, пробормотал он. – Тут такая система... Всё зальёт. И нас с тобой зальёт...

Так. Похоже, тут ловить уже нечего.

Я предпринял последнюю попытку:

– Я её сегодня видел в библиотеке. Значит, она сейчас тут? В смысле, живёт, учится?

– Кого? Систему? – не въехал Ярослав.

– Катю!

– А-а... Да кто её знает, – в третий раз с досадой буркнул он. – Пожалуй, от ножа не обеднеет...

– А как же все истории о голодных студентах?

Ярослав обвёл рукой свои лиловые покои – судя по единственной в комнате кровати, соседей тут не водилось, – и заявил:

– Это не про нас. Не про Катюху точно. Она моделью знаешь сколько поднимает?

Она ещё и модель. Ну точно не про нас.

– Слушай, друг... Коля?..

– Олег.

– Слушай, Олежек... Ты или присоединяйся, или, будь добр, топай в свою пещеру. Ко мне староста придёт, и, понимаешь, ты со своей постной миной... будешь лишневат.

«Будешь лишневат». Интересный оборот. Надо запомнить.

– Спасибо за гостеприимство. Я пойду, наверное.

Ярослав, не пожелав тратить слов, махнул. На пальце сверкнул крупный перстень с печаткой. Просто мафиози.

Уже на пороге я добавил:

– И за информацию спасибо. Если Катя появится, ты маякни, ладно? Я в крайней комнате.

– Оки, – согласно кивнул Ярослав. – Дверь там закрой, чтоб в коридор не духарило.

Я плотно прикрыл дверь и с облегчением вдохнул общажный воздух, после логова Ярослава показавшийся свежим и благоуханным. В кухне, в углу под окном, обнаружил остатки своей картошки. Снова занял у кого-то нож, масло и уже с большим знанием дела сварганил ужин. От сытного запаха подвело живот, но есть опять расхотелось. Я всё-таки поковырялся: не дело совсем себя запускать, стану ещё доходягой. Вымыл жирные руки, заперся в комнате и снова открыл чемодан. Ровно и радостно засветилось голубоватым подводным светом. Я взял в руки Изольду – она улыбалась, склонив голову.

...В конце концов, маме не помогло столько лекарств. Кто сказал, что помог бы «Неопасол»? А Изольда... Может быть, батя был прав: эта кукла стоила того, чтоб её купили. Если бы мама её увидела, то, наверное, поняла бы.

Глава 9. Школа

Олег проснулся на удивление бодрым. Некоторое время не мог сообразить, почему над головой белая сетка, сквозь которую просвечивает синий матрас. Потом резко вспомнил, приготовился к тому, что снова окатит тоской... Не окатило. Тяжёлые мысли ворочались на задворках сознания, но в фокусе стояли уже совсем другие дела. Для начала – решить насущную проблему еды, потому что кушать опять хотелось, хотелось так, что на всю пустую комнату, чуть ли не отдаваясь эхом, урчал живот.

Картошки не осталось, да и желудок требовал чего-нибудь нового. Олег полежал с минуту, раздумывая, покосился за окно, где метель расчертила всё косыми серебристыми нитками, с кряхтением спустил ноги с кровати. Слегка закружилась голова, и только. Когда встал, по телу прокатилась слабость, но ощущение не было плохим; наоборот – словно выздоравливал после долгой болезни.

Умывшись, Олег заперся в комнате («Надоело уже ключом, надо будет как-то пристроить щеколду») и достал наличку. Надо бы как-то растянуть это... Мало ли, что будет дальше.

Пересчитав деньги, Олег решительно разделил их на две стопки. Одну, побольше, спрятал обратно: в пакет, потом в старые шорты – и сунул на самое дно спортивной сумки. Подумав, достал обратно и пристроил между бархатных гнёзд кукольного чемодана; приветливо глянула Изольда.

– Извини, – быстро шепнул Олег. – Дела. Позже...

Что будет позже, он толком не знал, но внутри жило предвкушение радости. Должно же случиться что-то хорошее в этой череде черноты.

Остатки денег Олег сунул в рюкзак. Надо бы обзавестись кошельком. Восстановить карту, потерянную ещё во время маминой болезни. Как-то втягиваться, соображать, решаться.

Он усмехнулся собственному настроению, оделся. Вышел, невольно посматривая по сторонам, заглядывая в двери приоткрытых комнат. Кое-где виднелся бардак, где-то – аккуратные, скромные жилища. Берлога Ярослава была заперта, но оттуда доносились громкие голоса и ритмичные барабаны. Неужто со вчерашнего дня вечеринка?

Толкнув тяжёлую входную дверь и ступив на крыльцо, Олег замер. Всё вокруг покрыла белизна. Из окна это было не так заметно, но с порога... У самого крыльца уже натоптали: цепочки следов путались, темнели в рыхлом свежем снегу. Но вдали и по обочинам тропки лежал сплошной ватный пух. Такой же пух покрывал клубки сплетённых веток ольхи, черёмухи, ещё каких-то кустов. Краснела, роняя на снег алые ягоды, калина. Стояло безветрие, безмолвие. Только высоко-высоко чертили кругами птицы. Пахло свежестью, а если приняться – слабо тянуло из мусорного контейнера за углом.

– Тишина, – констатировал Олег, поддёрнул лямки рюкзака и сошёл с крыльца. Следовало разыскать в округе супермаркет; что-нибудь подешевле того пафосного магазина, в котором он купил картошку.

Ближайший сетевой магазин нашёлся в десяти минутах неспешной ходьбы. Олег шагал, глубоко вдыхая спокойный, безветренный воздух. Снег шёл ровно вниз, не вился, не метался – и Олег тоже шёл ровно, не падая в воздушные ямы воспоминаний, не думая о прошлом.

– Снег лечит, – снова констатировал он, не зная, для кого. Сам себе ответил: – Для себя.

В магазине слегка растерялся, бродя между полок. Вот он – тот момент, когда денег с собой навалом, никакого списка продуктов нет, можно купить что угодно. Но, видимо, пора этого желания прошла. Может быть, с восемнадцатым днём рождения («А ведь он тоже прошёл. А я не вспомнил даже...»). Может, со всей этой круговертью событий.

А может, так просто показалось. Увещевания разума о том, что на тысячу можно набрать продуктов на неделю, пошли прахом, Олег сорвался и пошёл кутить. Накидал в корзину йогур-

тов, тостового хлеба, кетчупа, сосисок, элитной колбасы в золотой обёртке. Положил огромную шоколадку с орехами и мармеладом и некий ветчинный хлеб. Про нормальные продукты вспомнил только у полки с крупами. Подумав, решил взять гречку и надолго застрял, медитируя над ценами. Брать элитную? Ядрицу? Высший сорт или первый? С нижней полки или с верхней? В прозрачном пакете или в красивой яркой упаковке? Какую брала мама – Олег, хоть убей, не вспомнил. В итоге выбрал плотный пакетик по средней цене.

Выйдя из магазина, выдохнул, перехватил пакеты и задумался, куда бы пойти ещё. Это отсутствие планов, отсутствие контроля, полная пустота оглушали, делали бестолковым. Чем заняться? Редька его знает. Олег усмехнулся сам себе – вот надо же: мамы рядом нет, а всё равно матерщинный фильтр настоroje.

Так куда бы пойти?.. Он наметил себе пунктир, чтобы не затеряться в этой белой пустоте: общага, занести продукты. Кухня, приготовить обед. Институт, заглянуть ещё раз, расспросить про видом абитуриента про факультеты. Вот и готов план. План – половина победы, как говорил отец.

С гречкой Олег поступил дальновидно: прочитал в интернете, как её варить, промыл, поставил на огонь в маленькой синей кастрюльке, найденной на подоконнике. Вот чем хороша общага – всегда найдётся и кастрюля, и мыло.

Пока каша варилась (пришлось ставить на воде, молока купить он не догадался), Олег с телефона зашёл на сайт института и почитал, на кого там учат. Больше всего ему приглянулся факультет МНТиПС, под загадочной аббревиатурой которого скрывалось международное научно-технологическое и промышленное сотрудничество. Сдавать туда, несмотря на технический вуз, нужно было русский, историю и английский. С русским у Олега по наследству всегда было хорошо, история не казалась чем-то особо сложным, а английский... Ну, он учился в английской гимназии, так что проблем возникнуть не должно...

Школа. Чёрт, школа! За все эти дни он ни разу не вспомнил о школе, не подумал, что там надо появиться, как-то утрясти дела. В конце концов, как сдавать ЕГЭ, если бросишь школу? Да и какой институт возьмёт без аттестата?

Он застонал сквозь зубы. Это надо быть таким остолопом! Мощно же его вышибло из колеи... А ведь прогулял-то уже почти месяц, и за всё это время ни разу не дал о себе знать. Классная звонила поначалу, но когда мама лежала в больнице, было не до того, а потом завертелось, забылось... Чё-орт... Надо же было дать такого маху!

Булькнула и побежала через борт гречка. Кое-как ухватившись за горячие ручки натянутыми рукавами, Олег стащил кастрюлю с конфорки и принялся судорожно искать в телефоне номер классной. О том, что сейчас идёт урок и лучше выбрать время перемены, подумал, уже когда пошли гудки. Чтобы не струсить, сбрасывать не стал – тем более трубку сняли почти сразу.

– Алло, Алла Геннадьевна, это Олег Крылов. Извините, что так долго не давал о себе знать...

– Олег! – обалдела классная, будто услышала призрака. – Ты откуда? Жив? Цел?

«Жив? Цел?» Это прозвучало так комично, что у него вырвался смешок. Олег поскорей превратил его в кашель и пробормотал:

– Алла Геннадьевна, я... по семейным обстоятельствам пропускал. Не знаю, как поступить...

– А в чём дело? Я не о маме, Олежек, – тут же спохватилась классная. От этого «Олежек» – не насмешливого отца, а сочувственного, встревоженного – защекотало в носу. – Ты как? Ты где сейчас?

– Я могу... вернуться в школу?

– Конечно! Мы всё с тобой уладим, не переживай. Приходи, конечно! Олег, ты дома?

– Нет, – резко, чтобы не сорвался голос, ответил он. – Я... Я приду завтра.

Не дослушав, что говорит классная, он нажал отбой. Несколько секунд стоял, сжимая телефон вспотевшими пальцами. Это всё было как привет из прежней жизни. Оказывается, порвались не все ниточки... Он глубоко, судорожно вдохнул, зажмурился, прижал кулаки к вискам.

– Ладно. Ладно...

Забыв обо всём, рванул в комнату, отпер чемодан с куклами, схватил Изольду и зарылся лицом в её воздушные волосы. От прядей пахло пудрой, ванилином и слабо-слабо – отцовой туалетной водой.

Чтобы успокоиться, хватило минуты. Олег устыдился слёз; кроме того – испугался, что замочит, испортит дорогущую куклу. Осторожно положил Изольду обратно в бархатное гнездо, защёлкнул замок и вернулся в кухню за гречей.

* * *

– Что ж, вот и нашлось дело.

В какой-то момент он пожалел, что позвонил Алле Геннадьевне. Можно же и без школы прожить. Пойти грузчиком. Да зачем грузчиком, когда квартира сдаётся, деньги капают?

Но, видимо, слишком въелось мамино воспитание. Шока хватило, только чтобы забыть про школу на несколько дней; ладно, недель; ну хорошо, почти месяц.

Но теперь хотелось вернуться.

* * *

За партой сиделось тяжело. Олег чувствовал себя пришельцем из другого мира, сознание двоилось: временами он забывался, смеялся, но потом – вспоминал. И хотелось уйти с головой в омут жалости, тоски и горя, нырнуть и забыться, про всё забыть...

Давали себя знать и пропущенные занятия. Мутно и муторно пришлось объяснять библиотекарше, зачем ему ещё один комплект учебников. Прежний – он вспомнил – остался на этажерке дома. Но после вмешательства Аллы Геннадьевны ему всё-таки дали новый.

Ещё хуже было от того, что за партой пришлось маяться в одиночестве. Народ, видимо, предупреждённый классной, ни о чём не спрашивал. Но относился к нему, как к чумному: разговаривали издали, осторожно. А ему и не хотелось ни с кем разговаривать. Хотелось только чувствовать чужое присутствие рядом; и просто молчать. Не думать. Чтобы не трогали.

К счастью, не трогали. Только на физре ни с того ни с сего закружилась голова, и он чуть не грохнулся на маты. Физрук отрядил Егора Кузнецова отвести его к медсестре.

С Егоркой Олег всегда общался неплохо, можно сказать – почти дружил. А теперь сжался, боясь, что тот попытается что-то разузнать. Но Егор молча довёл его до медкабинета; только у дверей взял за запястье и хмуро проговорил:

– Если чем могу помочь – скажи.

Борясь с дурнотой, Олег помотал головой и вошёл в стерильный, пропахший лекарствами кабинет.

Когда к четырём, после уроков, он добрался на другой конец города в общагу и рухнул на кровать, то долго не мог понять, состыковать в голове, как так получилось, как так в один день уместилось два разных мира. Кусочки не сшивались, и от этого снова начала болеть голова.

Олег достал из рюкзака таблетку, про запас выданную медсестрой, сунул под язык. Поглядел в сетку над головой, потом повернулся и принялся смотреть в потолок. Комнату уже заволкли сумерки, по потолку пролетали бледно-золотистые и синие пятна от проезжающих вдалеке машин. Из коридора доносился шум, но невнятный; кажется, возвращалась с пар основная

масса жильцов. Перед глазами, поверх реальности, мелькали класс, Егор, Таня Волжанина, географичка, переполненная столовая...

Олег закрыл глаза, мельком подумав, что, кажется, понял, как это – веки, налитые свинцом. Полная мелких звуков, шаркающих шагов, далёких гудков тишина баюкала.

Уснул.

Глава 10. Английский театр

За стеной кричала мама – этот звук вырвал из сна, подбросил на кровати. Пока я бежал к дверям, путаясь, не находя на привычном месте тапок, к визгливому женскому голосу добавился мужской – батин бас. Визг перешёл во всхлипы, что-то треснуло, зазвенело стекло. Я ударил дверь одновременно ногой и локтем, выскочил в коридор и только тогда понял, что я не дома. Кричали не родители. Просто кто-то ругался за стеной.

Но шум стоял нешуточный, из-за соседней двери слышались мат и грохот. Рядом никого не наблюдалось, и я постучал. Потом постучал громче. Стукнул кулаком. Звуки с той стороны стихли, приблизились шаги. Дверь приоткрылась, и высунулся небритый, худой, длинный как палка парень.

– Чё?

– Чё орёте? Спать мешаете!

– Простите-простите, – раскланялся дрыщ. – Будем потише.

Я косо посмотрел на него, подвинул плечом – на такую былинку сил хватило и со сна, – оглядел комнату. Тихий скулящий плач был слишком знаком; я знал, когда так скулят.

– Ты чего терпишь, дура?

Может быть, оттого, что я ещё не проснулся толком, может, потому что снился скандал дома, пахнуло родным, – я сказал это резко, почти крикнул, чувствуя, как в горле клокочет злорадия. Девушка сидела на кровати, съёжившись, вытирая глаза – классическая будущая жена, которую будет тиранить алкаш-муж.

Чувствуя, как захлёстывает ярость, я схватил её за локоть и вздёрнул на ноги:

– Чего ты терпишь? Вали от него! Нашла, кого терпеть!

Оглянулся на парня; со второго взгляда он уже не казался молоденьким студентом. Не дрыщ, а плющ: худой, иссохший, явно уже взрослый. Да и девушка – тоже не девушка, просто маленькая женщина, мышка с жидкими волосами. Точно не студенты. Ну и личности в этой общаге.

Плющ меж тем пошёл на меня, нагнув голову, как бык. Замычал:

– Ты чё? Ты чё?

Я закатил глаза, думая, во что опять вляпался. Потом мягко вдарил Плющу в подбородок. Тот заблеял (видать, совсем лох; а то был мог хоть дать сдачи), а я обернулся к женщине:

– Хочешь как моя мама закончить? Я тебе говорю: он все деньги прожрёт, профигачит, доведёт тебя до больничной койки и бросит. Я тебе говорю!

Я думал, что произношу это нормальным тоном, но потом понял, что кричу – саднило в горле, звенело в ушах. А они оба смотрели на меня бараными глазами. Женщина перестала скулить, и Плющ молчал. Я убрался из их пропахшей пивом комнаты, стукнув дверь. Руки дрожали. Ну и соседи достались!

Я с силой сжал кулаки, чтобы хоть как-то обуздать злость.

...В художке мы как-то рисовали композицию на конкурс «Моя семья». Одна девочка проболела все занятия, и препод предложила ей выставить на конкурс её старую композицию, где парень с девушкой дерутся подушками. Девочка спросила: «Семья-то тут при чём?» А препод такая: «Назовём картину “Как познакомились мои мама и папа”».

Название-то, может, и отражало суть, но семья тут точно ни при чём.

Я зашёл к себе, сел на кровать. Долго не мог отдышаться. За стеной стояла гробовая тишина. Я знаю, всё это бесполезно; если он бьёт – то будет бить. Если она терпит – то продолжит терпеть. Но мне что прикажете? Тоже терпеть? Внутри тлело, вязало противное, как незрелая хурма, бессилие. Если бы я мог вернуться во времени – я вернулся бы не в тот день,

когда отец просадил деньги на Изольду. Я вернулся бы в день их с мамой знакомства и развёл бы, не допустил.

В ушах всё ещё стучала кровь, сердце прыгало, но от мыслей о маме, об Изольде приходило успокоение. Я потянулся к чемодану. Отпер. Погладил по бороде близнецов, улыбнулся Кабалету – совсем лишать их внимания казалось неправильным. Посмотрел на Изольду. Аж дрожь пробрала – какой она была красивой. Я вздохнул, сдул с ладони поцелуй и закрыл крышку. За стеной по-прежнему стояла тишина, зато на улице, прорываясь в форточку, играла тихая, нежная музыка.

Я вздохнул, закрыл глаза, посидел немного, держась за краешек стула. Встал, оделся и пошёл в институт – времени было всего-то шесть часов. По отцовым рассказам, в это время жизнь в институте только начиналась.

Так оно и оказалось! Окна корпусов сияли, на территории сверкали гирлянды, на этот раз светилась и огромная, украшенная огоньками ель перед входом. Я второй раз спокойно прошёл по поддельному общажному пропуску и, решив, что больше всего студентов должно быть в столовой, направился знакомой тропой. Перспектива ловить кого-то на холоде у проходной уже не внушала оптимизма.

Неужели я шёл этой тропой ещё вчера?..

Нет, не вчера. Была череда пустых дней в общежитии. Та дыра, пустота, о которой я не мог вспомнить ничего и не верил бы в неё, если бы не календарь в телефоне. В прошлый раз я был в институте почти неделю назад... А тут, кажется, ничего и не изменилось. Только народу как будто прибавилось. И столовка закрыта. А у меня с утра во рту не было ничего, кроме двух таблеток и стакана воды.

На декоративной штукатурке рядом с дверями в столовую висел лист с надписью: «Буфет». И жирной стрелкой вниз.

Я пошёл в буфет. Странное оказалось место: гранитные плиты на полу, облупившаяся штукатурка по стенам, высокая тёмная стойка. Зато столы и приборы – совсем новенькие.

Единственный пустой стол оказался у самых дверей; я занял его, кинув рюкзак на стул, и пошёл к кассе. С первого взгляда стало ясно: цены тут куда кусачей, чем в столовой. Ассортимент напоминал фастфуд; я выбрал лапшу и пахлаву, ещё взял кофе, чтобы взбодриться, и, осматриваясь, двинулся назад. Заметил, кажется, Ярослава, но понял, что обознался. А когда вернулся к столу, обнаружил, что в подставке не цветные салфетки, а ворох афишек, вроде тех, что мне кинули про клуб поэзии.

Пока глотал кофе, перебрал стопку: студенческое радио, местная газета, экоклуб, благотворительное движение... Когда кофе остался только на доньшке, а пахлава загадочным образом растаяла на своей упаковке, на глаза попала зелёная бумажка с непонятными фиолетовыми словами. Сначала я никак не мог сообразить, в чём дело, а потом понял: написано на английском.

Я перевернул бумажку и не ошибся: текст на русском тоже был. Оказалось, это английский театр. Я подумал было, что тоже приглашают на своё представление, но оказалось нет: приглашают в свои ряды. «Постновогодний набор, и твой уровень английского почти не важен». Это, интересно, как? Но вообще звучало заманчиво, особенно в свете того, что я собрался сдавать английский. Может, стоит заглянуть? Отбор завтра, в большой перерыв. Большой перерыв – это, интересно, когда?

– Девушка, извините, пожалуйста, а большой перерыв – это со сколько?

Блонда с дутыми губами оглянулась на мой вопрос, манерно ответила:

– С двенадцати сорока.

И вернулась к своей тарелке с макаронами.

Вот Изольда тоже светленькая. И Катя. Но они почему-то не считают, что им нужны утиные губы.

Я хмыкнул: сам тупо пошутил, сам тупо посмеялся, и всё в своей собственной голове. Полное самообслуживание.

– Ладно. Ладно...

Значит, большой перерыв. Что ж, придётся пораньше уйти из школы. Завтра пятым-шестым математика, так что я ничего не теряю. На минимум ЕГЭ сдам хоть сейчас, а для невыговариваемого МНТиПС сверхрезультат и не нужен.

* * *

Отбор в английский театр происходил в просторной, пустой и холодной аудитории. Кучка людей – человек пять – собралась у длинного преподавательского стола. Сквозь высокие окна лилось ослепительное солнце, собравшиеся над чем-то хихикали, а высокая тётка в очках и с пучком на голове писала на доске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.